

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Т. 21, № 4

Vol. 21, no. 4

16+

2023

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Главный редактор – академик РАО, д. биол. наук, профессор Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В.

(ЯрГУ, Ярославль)

академик РАО, д. пед. наук, профессор

Малюфеев Н. Н.

(ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В. (МГППУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А. (Высшая школа экономики, Москва)

д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)

д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)

д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)

академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д. (ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корр. РАО, д. пс. наук, Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (ЧГПУ, Грозный)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Осипова А. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Рюшмина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)

д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону)

Ответственный секретарь

– Пушкарева П. Р. (Южный федеральный университет)

Ответственный редактор

– Проненко Е. А. (Южный федеральный университет)

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,

ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114

E-mail: psyvestnc@gmail.com

Адрес издателя (ООО КРЕДО):

129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел./факс: (495) 283-55-30

E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес типографии ("Особое при-

глашение"): 344006, Российская
Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул.

Металлургическая 102/2, корпус

«ИЛК», офис 305, E-mail: k@os-pr.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37683

Подписано в печать: 20.12.2023

Дата выхода в свет: 30.12.2023

Формат 62x94/16.

Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Цена свободная. 16+

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология, психология личности

Алина С. Рощупка

Эмоционально-психологическая близость взрослых детей с родительской фигурой и её связь с уровнем семейных дисфункций.....5

Карина Р. Мовсисян

Средства массовой информации как фактор риска развития расстройств пищевого поведения.....26

Татьяна Ю. Мариненко, Елена П. Калинина

Особенности смысложизненных ориентаций личности с разным уровнем успешности.....35

Вероника В. Пономарева

Влияние билингвизма на личностные характеристики.....45

Клиническая психология

Светлана Ю. Мохова, Антонина В. Привезенцева

Механизмы психологической защиты и копинг-стратегии представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции.....54

Педагогическая психология

Елизавета В. Найденова, Анастасия С. Морозова, Анастасия С. Иконина, Светлана А. Бзезян

Исследование социального интеллекта у школьников, обучающихся в традиционной и монтессори школе.....76

Contents

General psychology, personality psychology

Alina S. Roschupka
Emotional and Psychological Closeness of Adult Children with the Parental Figure and its Connection with the Level of Family Dysfunctions.....5

Karina R. Movsisyan
Mass Media as a Risk Factor for the Development of Eating Disorders.....26

Tatyana Y. Marinenko, Elena P. Kalinina
Peculiarities of Life-meaning Orientations of Individuals with Different Levels of Success.....35

Veronika V. Ponomareva
Influence of Bilingualism on Personality Characteristics.....45

Clinical psychology

Svetlana Y. Mokhova, Antonina V. Privezentseva
Mechanisms of Psychological Protection and Coping Strategies of the Z-generation Youth Prone to Addiction.....54

Pedagogical psychology

Elizaveta V. Naidenova, Anastasia S. Morozova, Anastasia S. Iconina, Svetlana A. Bzezyan
A Study of Social Intelligence in Schoolchildren Studying in Traditional and Montessori Schools.....76

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.1>

Эмоционально-психологическая близость взрослых детей с родительской фигурой и её связь с уровнем семейных дисфункций

Алина С. Рошупка

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

roshchupka@sfedu.ru

Аннотация

В разделе «Введение» автор приводит основные причины возникновения так называемого «культа родителей», декларирующего святость родительских фигур и подразумевающего изначальную психологическую близость с ребёнком. Особое внимание уделено описанию процесса сепарации как в подростковом возрасте, так и во взрослости. Дан исторический контекст проблематики, социально-культурные условия формирования убеждения об эмоциональной близости в детско-родительских отношениях. Автор ссылается на значимость стилей воспитания в соответствии с широко распространённой концепцией Д. Баумринд, Э. Маккоби и Д. Мартина, а также на концепцию «обучения на моделях» А. Бандуры. Упомянуты механизмы защиты, участвующие в процессе формирования табу на критику родительского поведения и отношения. В разделе «Методы» описаны применённые методики: 1) авторский опросник, направленный на определение степени эмоционально-психологической близости, 2) методика «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмагоровой и С. В. Воликовой. В разделе «Результаты» описаны данные, полученные при исследовании степени эмоциональной близости 60 взрослых детей с их родителями. Респондентам было предложено ответить на вопросы о том, к кому из перечисленных людей (матери, отцу, другу, романтическому партнёру, бабушке или дедушке, брату или сестре, психологу, незнакомцу на улице) они обратятся в первую очередь при возникновении проблемных ситуаций в сфере учёбы, финансов, здоровья, коммуникаций с другими людьми, личной жизни и сексуальной сфере. Выявлены значимые обратные корреляции между степенью психологической близости и баллами по шкалам семейных дисфункций. В разделе «Обсуждение результатов» описываются противоречия между стереотипом о безусловной психологической близости родителей с детьми и результатами исследования.

Ключевые слова

эмоционально-психологическая близость, родители, дети, культ родителей, идеализация родительской фигуры, сепарация, семейные дисфункции

Для цитирования

Рощупка, А. С. (2023). Эмоционально-психологическая близость взрослых детей с родительской фигурой и её связь с уровнем семейных дисфункций. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(4), 5–25. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.1>

Scientific review

UDC 159.922

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.1>

Emotional and Psychological Closeness of Adult Children with the Parental Figure and its Connection with the Level of Family Dysfunctions

Alina S. Roschupka

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

roshchupka@sfedu.ru

Abstract

In the Introduction section, the author gives the main reasons for the emergence of the so-called "cult of parents", which declares the sanctity of parental figures and implies an initial psychological closeness with the child. Special attention is paid to the description of the separation process both in adolescence and adulthood. The historical context of the problem, the socio-cultural conditions for the formation of beliefs about emotional closeness in child-parent relationships are given. The author refers to the importance of parenting styles in accordance with the widespread concept of D. Baumrind, E. Maccoby, and D. Martin, as well as the concept of "learning from models" by A. Bandura. The protection mechanisms involved in the formation of taboos against criticism of parental behavior and attitudes are mentioned. The Methods section describes the applied techniques: 1) the author's questionnaire aimed at determining the degree of emotional

and psychological closeness, 2) the methodology of "Family emotional communication" by A. B. Kholmagorova and S. V. Volikova. The section "Discussion of the results" describes the data obtained in the study of the degree of emotional closeness of 60 adult children with their parents. Respondents were asked to answer questions about which of the listed people (mother, father, friend, romantic partner, grandmother or grandfather, brother or sister, psychologist, stranger on the street) they would turn to first of all in case of problematic situations in the field of education, finance, health, communication with other people, personal life and the sexual sphere. Significant inverse correlations between the degree of psychological closeness and scores on the family dysfunction scales were revealed. The section "Discussion of the results" describes the contradictions between the stereotype of unconditional psychological closeness of parents with children and the results of the study.

Keywords

emotional and psychological closeness, parents, children, cult of parents, idealization of the parental figure, separation, family dysfunctions

For citation

Roschupka, A. S. (2023). Emotional and psychological closeness of adult children with the parental figure and its connection with the level of family dysfunctions. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(4), 5–25. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.1>

Введение

Эмоциональная сфера отношений родителей с детьми складывается и развивается различными траекториями в зависимости от того, что понимается под функциями социальной роли родителя и социальной роли ребёнка членами семьи. Такое явление как степень психологической близости между взрослыми и их детьми уходит корнями к стилю воспитания в каждой отдельной конкретной семейной системе. Обычно стили воспитания рассматриваются с точки зрения сочетания двух–трех параметров; в основном это вариации таких характеристик, как уровень принятия и уровень контроля (Алексеева, 2020). Известная классификация стилей воспитания, созданная Д. Баумринд и уточнённая Э. Маккоби и Д. Мартином, даёт основания предполагать, что, например, при авторитарном стиле воспитания степень доверия ребёнка родителю будет крайне низкой, в то время как при снисходительном стиле наблюдается совершенно противоположная картина (Ильин, 2012). Однако, на наш взгляд, данная ситуация является не самым распространённым случаем, ведь понятие близости содержит и другие глубинные составляющие, выступает явлением многогранным.

Восприятие родительской роли ребёнком тесно связано с актуальным социокультурным контекстом общества, в котором он взрослеет. С одной стороны, социум фоном транслирует маленькому человеку накопленные веками ценности и нормы, с другой стороны – семья составляет внутреннее ядро практически каждого индивида, и воздействует на мировоззрение ребёнка убеждениями, сложившимися в уникальной семейной истории (Морено, 1958). Зачастую возникает такой эффект, что различные семейные дисфункции, подобно генетическим признакам или снежному кому, передаются из поколения в поколение, так как романтические партнёры, недавно

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

освоившие новую социальную роль, не отреклись сознательно от стереотипов воспитания, сложившихся в их собственных родительских семьях (Ермаков, Лабунская, 2007). Родители знакомят детей с миром, они, порой даже не подозревая, являются источником большинства установок, ценностей, стереотипов, интегрированных в личность ребёнка. Согласно концепции «обучения на моделях» Альберта Бандуры, в виду работы механизма подражания незрелая личность наблюдает за неким образцом поведения родителей, принимает любые утверждения как истинные (Лабунская, 1999). Сепарация возникает лишь тогда, когда повзрослевший сын или повзрослевшая дочь ставят под сомнение идеалы своей семьи (Левкова, 2023). Данный факт вовсе не свидетельствует о том, что психологическое отделение состоится только в случае полного отказа от родительских норм (Боулби, 2003). Взрослый человек затрачивает гораздо большее количество интеллектуальных и психоэмоциональных ресурсов, выстраивая собственную картину мира, продуцируя свою аутентичную мораль и идентичность (Манукян, 2022). Такие нормы и ценности могут в крупном процентном соотношении как совпадать с родительскими, так и быть абсолютно полярными.

И в прошлом, и в нынешнее время особенно актуально и распространено общественное убеждение о наивысшей степени родительской близости со своими детьми – аспект так называемого «культу родителей», о котором упоминает Е. Миронова (<https://www.b17.ru/blog/78786/>). Семьи декларируют детям разного возраста (в том числе достигшим дееспособности и живущим отдельно) такие «бытовые аксиомы», как: «Мать – важнее жены и детей, ведь жена может тебя бросить, дети уйти, а мать всегда останется близким и родным человеком», «Даже когда от тебя все отвернутся, родители всегда поймут и поддержат в самой ужасной ситуации», «Родители – это святое, обижаться на них – грех». В целом, может возникнуть представление, якобы при рождении нового члена семьи родственники априори имеют достаточное количество ресурсов, высокую степень психологической грамотности и эмоционального интеллекта для поддержки ребёнка просто из факта кровного родства. Однако близость «по крови» вовсе не предполагает и в ряде случаев даже не производит близость психологическую («душевную»), не создаёт доверительный фон в общении. Конечно, совершенно очевидно, что самым близким для личности может стать кто угодно – например, друг или романтический партнёр, ведь степень близости определяется взаимной поддержкой, пережитым опытом, совпадением ценностей. Профессор Университета Old Dominion, психотерапевт и автор книг о семейных деструкциях Нина Браун приводит некоторые составляющие искренних отношений: взаимное уважение и принятие, доверие, эмпатия, уважение психологических границ друг друга, сочувственное отношение к потребностям и настроению, открытость и прямота при проявлении эмоций и желаний (Браун, 2020). Эмоциональная близость, как один из элементов искреннего взаимодействия в семье, является «результатирующей» направленности двух членов семьи на отношения друг с другом (Шнейдер, 2006). Таким образом, на наш взгляд, даже если родитель характеризует отношения с ребёнком как близкие, а сам ребёнок данной близости не ощущает, то есть все основания считать её иллюзорной.

Исторический контекст проблемы отсылает нас к представлениям о неприкосновенности авторитета и святости родительских фигур и несомненно имеет корни в заветах патриархальной культуры. Так, в «Домострое» – основном своде правил, затрагивающих все сферы жизни христиан, включая семейную, роль детей определена как разительно более низостоящая в соотношении с родительской (особенно отцовской) (Колесова, 2014). Положение детей, согласно литературному источнику, во многом близко к положению слуг: в поведении необходимо проявлять

безукоризненное послушание, не вступать в спор с родителями, любить их безусловной любовью. При этом сами отец и мать заботились скорее об удовлетворении базовых потребностей детей, об их физическом благополучии, и гораздо реже – о ментальном. Также широко распространена информация о том, что в христианском обществе главным образом ценится авторитет, мужество проявление силы духа (Ершов, Морозов 2021). Именно поэтому эмоциональная открытость ребёнка и транслирование им переживаний исторически не могли занять место в парадигме ценностей жизнестойкости, храбрости и самоотверженности христианского социума XVI века (Клюйко, 2022).

Церковные заповеди и патриархально-общинный строй жизни со строгой иерархией породили табу на какое-либо сомнение в этичности поведенческих актов родственников по отношению к детям (Форвард, Бак, 2022). Первым социальным институтом для ребёнка является семья, но именно внутри неё он чаще всего подвергается жестокому обращению. Родители, действительно, выступают для маленьких детей в роли некоторых первичных «богов»: они обладают наивысшей властью над самим существованием ребёнка (в виду эмоциональной и физической зависимости в первые несколько лет жизни) и авторитетом, который сложно придать сомнению. Однако, по мнению А. Несвитского не все выросшие дети способны отделиться от чрезвычайного и разрушительного влияния, осознать, что те, кто их воспитывал – лишь простые люди, имеющие недостатки, странности и страхи (<https://psyhelp24.org/parents-children/>). Сепарация не наступает, и взрослые дети продолжают заменять собственные ценности и взгляды на родительские, оставаясь в позиции «снизу».

Возможно, причина тенденции распространения убеждений «культы родителей» по всему миру и в особенности в постсоветских странах кроется в защитных механизмах психики взрослых детей. Центральными механизмами канонично выступают вытеснение – процесс удаления из сознания мыслей и чувств, причиняющих страдания, в бессознательное; и рационализация – ложная аргументация, благодаря которой иррациональное поведение представляется таким образом, что выглядит вполне разумным и поэтому оправданным (Фрейд, 1993). Ребёнок, подвергаемый эмоциональному и/или физическому насилию, не в силах в полной мере осознать деструктивность происходящего. Тогда он принимает ответственность за отклоняющееся поведение родителей на себя. В итоге результат давления общества, указывающего на непоколебимый родительский авторитет в сочетании с функционированием защитных механизмов буквально закрепляется в коллективном бессознательном в виде сакрализации родительской фигуры (Форвард, Бак, 2022).

Приведённые выше утверждения о «генетически» заложенной близости родителей с детьми, на наш взгляд, могут относиться к описанию ожидаемого ролевого поведения в семье или же к стереотипам о детско-родительских отношениях. Стереотипы, как конструкт, при тщательном научном рассмотрении способны выдерживать критику меньше всего, однако при этом обладают высокой степенью устойчивости.

Методы

Методики

В качестве диагностической методики был избран опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» авторства А. Б. Холмагоровой и С. В. Воликовой (Консультативная психология и психотерапия, 2016), направленный на исследование дисфункций внутри семейной системы. Баллы, набранные респондентом во время прохождения,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

отображаются в нескольких шкалах: «критика», «индустрирование тревоги», «элиминирование эмоций», «фиксация на негативе», «внешнее благополучие», «сверхвключённость» и «семейный перфекционизм».

С целью изучения упадка или роста тенденции психоэмоциональной близости, ощущаемой взрослыми детьми по отношению к их родителям в нынешнее время нами был создан авторский опросник (приложение 1). Он включал вопросы о частоте взаимодействий детей с родителями, степени доверия, и вопросы, направленные на выявление согласия/несогласия с утверждениями, содержащими сакрализацию родительского образа (например, «Для вас родители – это святое?»). Также, респондентам были предложены различные ситуации жизненных трудностей (проблемы на работе или учёбе, трудности в сексуальной сфере, проблемы с законом) и перечень людей (мать, отец, друг/подруга, романтический партнёр, и т.д.), к которым можно обратиться при возникновении данных неприятных обстоятельств. Участники были в праве выбрать лишь одного человека, доверие к которому является максимальным по отношению ко всем остальным лицам из перечня. Включив подробные вопросы в методику, мы преследовали цель выяснить, какой процент респондентов при появлении трудностей в той или иной жизненной сфере обратится именно к родителям. В качестве фундамента авторского опросника были использованы некоторые вопросы из книги С. Форвард и К. Бак (2022) «Токсичные родители. Как вернуть себе нормальную жизнь», диагностирующие эмоциональное насилие родителей над детьми.

Выборка

Было проведено исследование, в котором приняли участие 60 человек, из которых 90% – девушки и 10% – молодые люди. Возрастной диапазон респондентов составил 18–29 лет. Выборка была сформирована случайным образом из соображений социально ожидаемой сепарации. Исследование произведено с использованием инструмента Google Forms.

Методы статистического анализа данных

В качестве методов статистического анализа полученной информации были применены коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты

В результате проведённого исследования мы обработали информацию о степени доверия взрослых детей к их родителям, данные о частоте коммуникаций между ними и даже о периодичности выражения поддержки. Из общего количества респондентов более половины (58,3%) общаются с родителями каждый день, четверть – несколько раз в неделю, 6,7% – один раз в неделю, 8,3% – несколько раз в месяц, и лишь один испытуемый поддерживает коммуникацию только раз в месяц. Преимущественно (58,3%) опрос прошли дети из полных семей, в которых два родителя состоят в браке на данный момент и/или живут вместе. У 26,7% респондентов родители не состоят в браке и/или не живут вместе на данный момент. Достаточно высокий процент (13,3%) составили респонденты, потерявшие одного из родителей. Один человек из общего числа испытуемых имеет мать, но не обладает какой-либо информацией о судьбе своего отца.

При возникновении трудностей в обучении 25 человек из 60 поделятся информацией об этом в первую очередь с романтическим партнёром. 11 человек (18,3%) расскажут о проблемах в учёбе в первую очередь матери, а один человек (1,7%) – отцу. Бабушку или дедушку в первую очередь оповестят лишь 2 человека (3,3%).

Когда респонденты окажутся в проблемной ситуации коммуникации с людьми, они будут готовы сразу поделиться данной информацией в основном с другом/подругой (36,7%) или с романтическим партнёром (33,3%). К матери обратятся 14 человек (23,3%) из 60, к отцу респонденты предпочли не обращаться.

Если у респондентов возникнут проблемы со здоровьем, они в первую очередь расскажут об этом матери (43,3%), романтическому партнёру (26,7%) или другу (10%). С отцом, наравне с бабушкой и дедушкой, поделятся трудностями 8,3% респондентов.

Если у испытуемых проявятся проблемы в сфере личной жизни, они сначала предпочтут рассказать об этом подруге или другу (50%), самому романтическому партнёру (20%), матери (18,3%). К отцу в первую очередь обратится только один человек.

Когда у респондентов возникнут проблемы в сексуальной сфере, ни один из них не обратится в первую очередь к матери или отцу. Большинство респондентов обсудит трудности с романтическим партнёром (43%) другом или подругой (41,7%). 8 человек в первую очередь расскажут о проблеме психологу.

В случае финансовых проблем 31,7% от общего числа испытуемых сначала обратится к своему романтическому партнёру, а к матери – 30%. К отцу в данной ситуации у респондентов возникло большее доверие, чем в предыдущих, поэтому процент людей, обратившихся бы именно в первую очередь к нему составил 16,7%. С бабушкой или дедушкой поделятся информацией по этому поводу 10% опрошенных.

При проблемах с законом респонденты предпочтут сначала рассказать о них и романтическому партнёру, и матери в равной степени (28,3% соответственно), отцу расскажут 23,3% опрошенных (или 14 человек).

На вопрос «Для Вас родители – это святое?» половина из общего количества опрошенных ответили положительно, 25% – отрицательно, ещё 25% затруднились ответить.

Далее респондентам был задан, пожалуй, самый значимый для исследования вопрос: «Кого из перечисленных людей Вы считаете наиболее психологически близким Вам?». Если опираться на членов семьи, то 17 человек (28,3%) утверждают, что наиболее близкой для них является мать, 8 человек (13,3%) выбрали бабушку и дедушку, брата или сестру – 7 человек (11,7%). Ни один из 60 респондентов не видит в качестве наиболее близкого человека своего отца. Достаточно большой процент (25%) считают самым близким романтического партнёра или друга/подругу (21,7%).

Таким образом можно отметить, что наиболее часто респонденты склонны рассказывать родителям подробности своей жизни при трудностях в сферах, затрагивающих физическое благополучие (здоровье, финансы или юридические вопросы). Степень доверия к родителям при проблемах в личной жизни, в сексуальном плане или в обучении значительно ниже (варьируется от 0% до 23%). Возможно предположить, что тенденция делиться информацией о «формальных» вещах, в меньшей степени затрагивающих эмоциональную сферу, связана с тягущимися из детства паттернами поведения, где родители – авторитетные лица, решающие «взрослые» проблемы, что может также косвенно свидетельствовать о незавершённом сепарационном процессе. Вопреки сложившимся убеждениям о том, что «родителям можно рассказать всё» крайне низким выступает процент людей, выбравших мать или отца в качестве первых лиц, узнающих о трудностях в личной жизни, ни у одного респондента не сформирована достаточная степень доверия к родителям для того, чтобы обсудить именно с ними в первую очередь темы, затрагивающие сексуальные дисфункции. В основном опрошенные склонны доверять романтическим партнёрам или друзьям (от 20% до 50% в разных вопросах).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Нередко респонденты давали противоречивые ответы. Например, они отмечали, что часто вынуждены скрывать все или некоторые подробности своей жизни от родителей, но при этом были убеждены, что именно родители являются самыми близкими фигурами в психологическом понимании.

В результатах исследования складывается любопытная картина. С одной стороны, социокультурный контекст диктует функциональное представление о родительской роли как об априори содержащей высшую степень эмоционально-психологической близости с детьми; с другой стороны, опрос молодежи, выросшей в окружении подобной установки, показывает обратное: зачастую дети не воспринимают своих родителей как самых близких людей, то есть одного наличия кровного родства для достижения высокой степени близости недостаточно.

Также респондентам был предложен вопрос, предполагающий свободный ответ о том, что именно они понимают под близостью с родителями в принципе. Чаще всего испытуемые описывали такие ценности, как: «доверие», «тёплые взаимоотношения», «возможность открыто выражать эмоции и чувства», «общение на любые темы», «возможность рассказать что-либо без осуждения со стороны родителей».

Далее нами был проведён корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Спирмена между общим баллом эмоционально-психологической близости по авторскому опроснику и показателями по опроснику семейных дисфункций (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязи между общим баллом эмоционально-психологической близости по авторскому опроснику и показателями по опроснику семейных дисфункций

Шкалы опросника семейных дисфункций	Сила связи
Общий балл семейных дисфункций	-0,693 **
Критика	-0,779 **
Элиминирование эмоций	-0,769 **
Внешнее благополучие	-0,429 **
Семейный перфекционизм	-0,278 *

Примечание:

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

При обработке результатов авторского опросника и методики семейных эмоциональных коммуникаций все выявленные значимые связи оказались отрицательными. Чем ниже уровень психологической близости взрослых детей со своими родителями,

тем выше общий балл семейных дисфункций. Наиболее сильная связь прослеживается между уровнем эмоционально-психологической близости и критикой (-0,779), элиминированием эмоций (-0,769) (отсутствие тепла родителей по отношению к детям, требование сдержанности в эмоциональных проявлениях). Наиболее слабая связь выявлена между степенью близости и семейным перфекционизмом (направленность родителей на получение недостижимых высоких результатов, завышенные стандарты по отношению как к себе, так и к своим детям).

Обсуждение результатов

Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что такие семейные явления как критика, элиминирование эмоций и демонстрация внешнего благополучия оказывают деструктивное воздействие на психологическую близость между родителями и детьми.

Можно сказать, что отношение молодых людей к пониманию родительской роли, эмоциональной близости постепенно трансформируется. Сейчас молодые люди менее склонны сакрализировать родительскую фигуру, критика в сторону родителей зачастую больше не воспринимается как табу – данный факт особенно заметен при обработке результатов ответов на такие вопросы: «Как Вы считаете, дети должны уважать родителей даже если те подвергали их физическому или эмоциональному насилию?», «Как Вы считаете, если родители дали жизнь, то дети остаются перед ними в неоплатном долгу?». Девушки и юноши способны анализировать свои убеждения относительно родителей, более рационально подходить к проживанию негативного опыта, не поддаваясь общественным стереотипам о непоколебимом авторитете и уважении.

При этом доктор социологических наук Южного Федерального Университета Верещагина А. В. в соавторстве с Гафиатулиной Н. Х. и Самыгиным С. И. отмечает схожую тенденцию усиления значимости доверия в семье, в связи с разрушением традиционных устоев, предписывающих «формальное» поведение по отношению к детям и переходом к индивидуализированным стратегиям жизнедеятельности (Верещагина, Гафиатулина & Самыгин, 2016). Зайцева Л. А. раскрывает обратный феномен – псевдодоверие, к которому может относиться слепая вера другому, конформизм (Зайцева, 2020). На наш взгляд, данные составляющие чётко описывают феномен сакрализации фигуры родителя и не имеют ничего общего с истинной эмоциональной близостью. Освещая несколько иную проблему – информационную трансформацию общества, в котором растёт ребёнок, Посохова С. Т. также указывает на растущую среди родителей тенденцию обращать внимание только на внешнюю жизнь ребёнка, при этом способствуя утрате доступа к его внутреннему миру (Посохова, 2020).

Литература

- Алексева, О. С. (2020). Согласованность оценок родительско-детских отношений. Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование, 1, 92–108. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-92-108>
- Боулби, Дж. (2003). *Привязанность*. Москва: Гардарики.
- Браун, Н. (2020). *Они не изменятся. Как взрослым детям преодолеть травмы и освободиться от токсичного влияния родителей*. Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Верещагина, А. В., Гафиатулина, Н. Х. & Самыгин, С. И. (2016). «Семья в формировании ценности доверия в молодежной среде современного российского города». *Инженерный*

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- вестник Дона*, 2(41), 25.
- Ермаков, П. Н. и Лабунская, В. А. (2007). *Психология личности. Учебное пособие*. Москва: Эксмо.
- Ершов, И. В. & Морозов, М. Ю. «Понимание мужества в античности и христианстве». *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*, 2(11), 19–24.
- Ильин, Е. П. (2012). *Психология взрослости*. Санкт-Петербург: Питер.
- Клюйко, А. С. (2022). «Домострой» как базис семейного уклада. Евангелие в контексте современной культуры. В *Сборник научных статей X международной научно-практической конференции*, Белгород, 20 мая 2022, 414–416.
- Колесова, В. В. (2014). *Домострой. Поучения и наставления всякому христианину*. Москва: Институт русской цивилизации, Родная страна.
- Лабунская, В. А. (1999). *Социальная психология личности в вопросах и ответах*. Москва.
- Левкова, Т. В. (2023). Сепарация подростков от родителей: возможности и трудности. *Живая психология*, 4(44), 46–52. https://doi.org/10.58551/24136522_2023_10_4_46
- Манукян, В. Р. (2022). Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет. *Психологическая наука и образование*, 27(3), 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Микиртичан, Г. Л. & Джарман, О. А. (2020). «Взгляды на ребенка, его права и защиту от жестокого обращения в древнем мире». *Медицина и организация здравоохранения*, 5(3), 40–56.
- Морено, Дж. Л. (1958). *Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе*. Москва: Издательство «Иностранная литература».
- Посохова, С. Т. и Колпакова, А. Е. (2020). Взаимосвязь эмоционального компонента информационной семейной среды и дезадаптивного поведения подростков. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(3), 15–21. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-15-21>
- Форвард, С. & Бак, К. (2022). *Токсичные родители. Как вернуть себе нормальную жизнь*. Санкт-Петербург: Питер.
- Фрейд, А. (1993). *Психология «Я» и защитные механизмы личности*. Москва: Педагогика-пресс.
- Холмогорова, А. Б., Воликова, С. В. & Сорокова М. Г. (2016). Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 97–125.
- Шнейдер, Д. Б. (2006). *Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд.* Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.

References

- Alekseeva, O. S. (2020). Consistency of assessments of parent-child relationships. *Bulletin of the Russian State University. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 1, 92–108. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-92-108>
- Bowlby, J. (2003). *Devotion*. Moscow: Gardariki.
- Brown, N. (2020). They won't change. How adult children can overcome trauma and free themselves from the toxic influence of their parents. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Ermakov, P. N. & Labunskaya, V. A. (2007). *Personality psychology. A study guide*. Moscow: Eksmo.
- Ershov, I. V. & Morozov M. Yu. "Understanding courage in antiquity and Christianity". *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, 2(11), 19–24.
- Forward S. & Buck K. (2022). *Toxic parents. How to get back to a normal life*. St. Petersburg: Piter.
- Freud, A. (1993). *The psychology of the "I" and the protective mechanisms of the personality*. Moscow: Pedagogy-press.
- Ilyin, E. P. (2012). *Psychology of adulthood*. St. Petersburg: Piter.
- Kholmogorova A. B., Volikova S. V. & Sorokova M. G. (2016). "Standardization of the questionnaire

"Family emotional communications". *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(4), 97–125.

Klyuyko, A. S. (2022). "Domostroy" as the basis of the family way of life. In *The Gospel in the context of modern culture: A collection of scientific articles of the X International Scientific and Practical Conference*, Belgorod, May 20, 2022, 414–416.

Kolesova, V. V. (2014). *Domostroy. Teachings and instructions to every Christian*. Moscow: Institute of Russian Civilization, Native country.

Labunskaya V. A. (1999). *Social psychology of personality in questions and answers*. Moscow.

Levkova, T. V. (2023). Separation of adolescents from their parents: opportunities and difficulties. *Living Psychology*, 4(44), 46–52. https://doi.org/10.58551/24136522_2023_10_4_46

Manukyan, V. R. (2022). Growing up of young people: separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18-27 years. *Psychological Science and Education*, 27(3), 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>

Mikirtichan, G. L. & Jarman, O. A. (2020). "Views on the child, his rights and protection from abuse in the ancient world." *Medicine and Health Organization*, 5(3), 40–56.

Moreno, J. L. (1958). *Sociometry. The experimental method and the science of society*. Moscow: Publishing house of "Foreign Literature".

Posokhova, S. T. & Kolpakova, A. E. (2020). The relationship between the emotional component of the informational family environment and maladaptive behavior of adolescents. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 26(3), 15–21. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-15-21>

Schneider, D. B. (2006). *Family psychology: A textbook for universities*. 2nd ed. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business Book.

Vereshchagina, A.V., Gafiatulina, N. H. & Samygin, S. I. (2016). Family in the formation of the value of trust in the youth environment of a modern Russian city. *Engineering Bulletin of the Don*, 2(41), 25.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Приложение 1

Изучение степени психологической близости с родительской фигурой

1. Укажите ваш возраст: _____

2. Укажите ваш пол:

- o Женский
- o Мужской

3. Оцените, насколько часто вы общаетесь с вашими родителями (родителем).
Отметьте только один вариант.

- o Несколько раз в неделю
- o Раз в неделю
- o Несколько раз в месяц

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Раз в месяц
- Раз в три месяца
- Раз в полгода
- Не общаюсь со своими родителями (родителем) вообще

4. Вы из полной семьи?

Отметьте только один вариант.

- Да, у меня есть два родителя, состоящих в браке/живущих вместе на данный момент
- Нет, у меня есть два родителя, НЕ состоящих в браке/НЕ живущих вместе на данный момент по причине разногласий
 - Нет, у меня есть только мать, судьба отца мне неизвестна
 - Нет, у меня есть только мать, отец скончался
 - Нет, у меня есть только отец, судьба матери мне неизвестна
 - Нет, у меня есть только отец, мать скончалась

Эмоциональная близость отношений

5. Если у вас возникнут трудности в обучении (университет или курсы), с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

6. Если у вас возникнут проблемы в коммуникации с людьми на работе или учёбе, с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

7. Если у вас возникнут проблемы со здоровьем, с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

8. Если у вас возникнут трудности в личной жизни, с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

9. Если у вас возникнут трудности в сексуальной сфере, с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

10. Если у вас возникнут финансовые проблемы, с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

11. Если у вас возникнут проблемы с законом, с кем из перечисленных людей вы поделитесь этой информацией в первую очередь?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Брат/сестра
- Бабушка/дедушка
- Друг/подруга
- Романтический партнёр
- Знакомый в университете/на работе
- Психолог
- Незнакомец на улице

12. Вы убеждены, что можете обратиться к родителям в самой трудной ситуации?

Отметьте только один вариант.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда
-

13. Разделяете ли вы ценности ваших родителей?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда
-

14. Продолжают ли ваши родители общаться с вами, как с маленьким?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

15. Страшно ли вам поссориться с вашими родителями?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

16. Считаете ли вы, что вы несёте ответственность за то, как чувствуют себя родители в эмоциональном и физическом плане?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

17. Вы принимаете важные решения, базируясь на возможном согласии/ несогласии ваших родителей?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

18. Считаете ли вы отношения и поступки ваших родителей к вам хорошим примером того, как нужно воспитывать детей?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда
-

19. Родители выступают для вас самым главным авторитетом?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Редко
- Никогда
-

20. Как вы считаете, дети должны уважать родителей даже в том случае, если родители делали с ними ужасные вещи? (например, эмоциональное или физическое насилие)

Отметьте только один вариант.

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

21. Как вы считаете, если родители дали жизнь, то дети остаются у них в неоплатном долгу?

Отметьте только один вариант.

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

22. Для вас родители - это святое?

Отметьте только один вариант.

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

23. Случается ли вам скрывать все или некоторые подробности вашей жизни от родителей?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

24. Чувствуете ли вы психологическую дистанцию или напряжение во время общения со своими родителями?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда
-

25. Считаете ли вы, что вы можете получить больше поддержки вне родительского дома, чем внутри него?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

26. Вы чувствуете, что вам проще скрыть от родителей то, что порой происходит в вашей жизни, чем потом оправдываться?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

27. Случались ли с вами ситуации, когда вы делились чем-то важным с родителями, а они выражали безразличие?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Редко
- Никогда
-

28. Ваши родители обесценивали(-ют) то, что было для вас чрезвычайно важным и личным?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда
-

29. Вы предпочтёте скорее пообщаться с другом или партнёром, нежели позвонить родителям и рассказать им, как прошёл ваш день?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно
- Часто
- Редко
- Никогда

30. Если бы у вас была возможность выбрать другую семью и родиться в ней, вы бы воспользовались такой возможностью?

Отметьте только один вариант.

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

31. В целом вы довольны вашими с родителями отношениями?

Отметьте только один вариант.

- Постоянно

- Часто
- Редко
- Никогда

32. Кого из перечисленных людей вы считаете наиболее психологически близким вам?

Отметьте только один вариант.

- Мать
- Отец
- Бабушка/дедушка
- Брат/сестра
- Романтический партнёр
- Друг/подруга

33. Укажите, пожалуйста, что вы понимаете под близостью с родителями:

Средства массовой информации как фактор риска развития расстройств пищевого поведения

Карина Р. Мовсисян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

kmovsisian@sfedu.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает проблему влияния средств массовой информации (СМИ), в частности, социальных сетей на возникновение и развитие расстройств пищевого поведения (РПП). Во введении обосновывается актуальность изучения избранного автором вопроса, поставлена цель теоретического исследования. В теоретическом обосновании раскрываются основные понятия, связанные с расстройствами пищевого поведения, автор рассматривает предмет средств массовой информации как провоцирующий фактор развития РПП. Новизна исследования заключается в подходе к изучению этиологического фактора воздействия социальных сетей и других средств массовой информации на развитие расстройств пищевого поведения и чувства неудовлетворенности образом тела, преимущественно, среди молодых людей. В первой части приводятся виды расстройств пищевого поведения, такие как нервная анорексия (НА), булимия и компульсивное переедание, их основные проявления и различия. Автор учитывает также категорию неуточненных диагнозов, относящуюся к нарушениям пищевого поведения (НПП). Во второй части автор предоставляет краткую историческую справку, связанную с тенденциями средств массовой информации, и выделяет социальные сети, как лидирующие среди прочих средств массовой информации и оказывающие влияние на восприятие собственного тела и являющиеся фактором риска для развития РПП. Автор приводит исследование, направленное на изучение влияния СМИ на формирование и развитие РПП, а также делится возможной стратегией защиты от данного влияния. В обсуждении результатов автор приводит дополнительные исследования по изучаемой проблеме, указывает на процентное соотношение между идеалами внешности, транслируемыми социальными медиа и показателями среднестатистических женщин. В заключении автор приходит к выводу о негативном влиянии средств массовой информации, в частности, социальных сетей на восприятие образа собственного тела и формирование и развитие расстройств пищевого поведения.

Ключевые слова

расстройства пищевого поведения, средства массовой информации, социальные сети, социальные факторы пищевых расстройств, влияние социальных сетей

Для цитирования

Мовсисян, К. Р. (2023). Средства массовой информации как фактор риска развития расстройств пищевого поведения. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(4), 26–34. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.2>

Scientific review

UDC 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.2>

Mass Media as a Risk Factor for the Development of Eating Disorders

Karina R. Movsisyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: kmovsisian@sfedu.ru

Abstract

In the article the author considers the problem of the influence of mass media, in particular, social networks on the emergence and development of eating disorders (ED). The introduction substantiates the relevance of the study of the issue chosen by the author, the aim of the theoretical study is set. The theoretical justification reveals the basic concepts related to eating disorders, the author considers the subject of mass media as a provoking factor in the development of EBD. The novelty of the study lies in the approach to investigate the etiological factor of the impact of social networks and other media on the development of eating disorders and body image dissatisfaction, predominantly among young adults. In the first part, types of eating disorders such as anorexia nervosa (AN), bulimia nervosa and compulsive overeating, their main manifestations and differences are presented. The author also considers the category of unspecified diagnoses related to eating disorders (ED). In the second part, the author provides a brief historical background related to media trends and highlights social media as leading the way among other media and influencing body perception and being a risk factor for developing an EBD. The author cites a study to examine the influence of media on the formation and development of RPP and shares

possible strategies to protect against this influence. In the discussion of the results, the author cites additional research on the problem under study, and points out the percentage correlation between the ideals of appearance broadcast by social media and the indicators of average women. In conclusion, the author comes to the conclusion about the negative influence of social media on women's appearance.

Keywords

eating disorders, media, social media, social networks, social factors of eating disorders, the impact of social media

For citation

Movsisyan, K. R. (2023). Mass media as a risk factor for the development of eating disorders. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(4), 26–34. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.2>

Введение

Проблема расстройств пищевого поведения существовала еще задолго до появления интернета, телевидения и прочих средств массовой информации. Еще в античности люди прибегали к различным способам трансформации собственного пищевого поведения, среди которых известны методы избегания приемов пищи или вызывания рвоты. Однако, цель подобных вмешательств была связана с достижением духовного «очищения», когда как сегодня расстройства пищевого поведения часто связаны со стремлением достичь определенного признанного совершенства внешнего облика.

На сегодняшний день наибольшим влиянием в сфере красоты среди всех средств массовой информации обладают социальные сети. Данный временной отрезок можно именовать эпохой инфлюенсеров – лидеров мнений, выступающих с площадок социальных сетей и представляющих собой «лоскутные одеяла» из всевозможных трендов красоты, существующих в единицу времени. Эталоны внешней привлекательности существовали всегда, однако именно сегодня мы имеем возможность наблюдать за их носителями практически в режиме реального времени, что зачастую способствует сравнениям и стремлению к изменениям в собственной внешности. Однако, в контексте сравнений собственного образа тела с образом тела человека по ту сторону экрана смартфона, мы часто не учитываем обстоятельства в виде различных улучшений, через которые порой проходят не только сами инфлюенсеры, но и их контент. Так, эталон внешней привлекательности последних лет – худое тело но, порой, даже его становится недостаточно для тредсеттеров и в ход идут различные трансформации, демонстрирующие недостижимые физические идеалы для большинства людей, что ведет к фрустрации и повышает риск развития дисморфофобии и расстройств пищевого поведения. Последнее мы проанализируем в данной работе.

По данным международной конференции по нарушениям питания, более 10% населения страдает расстройствами пищевого поведения и намного больше людей питаются нерационально. (Пушкарская, Андреев娜, 2016).

Трудность диагностики расстройств и нарушений пищевого поведения на ранних стадиях обусловлена тем, что расстройство мимикрирует под уход за собой,

увлечение правильным питанием, фитнесом, здоровым образом жизни, что поощряется современным обществом и активно продвигается социальными медиа.

Цель исследования: провести теоретический анализ научной литературы, посвящённой влиянию средств массовой информации, в частности, социальных сетей на развитие и формирование расстройств пищевого поведения, сформировать общее понимание данной проблемы.

Теоретическое обоснование

Понятие и виды расстройств пищевого поведения

Расстройства пищевого поведения – поведенческие паттерны, связанные с нарушениями процесса принятия пищи, отклоняющимся от показателей нормы потреблением пищи.

Номенклатура психических расстройств DSM-5 определяет следующие расстройства пищевого поведения: нервная анорексия, булимия, компульсивное переедание. Также существует ряд нарушений пищевого поведения (НПП), именуемых как категория «неуточненных» расстройств – когда существует неадекватное отношение к пище, но под три указанных расстройства симптомы не подходят. Малкина-Пых И. Г. отмечает также ряд субклинических проявлений НПП, включая патологический голод, частые «перекусывания», ограничение определенных продуктов в рационе, компенсирующие переедание (стремление скорее «сжечь» энергию, полученную из пищи путем физических нагрузок).

«Международная статистическая классификация психических болезней и проблем, связанных со здоровьем» МКБ-10, используемая в России, определяет «Расстройства пищевого поведения» (F50) в разделе F5 «Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами» и включает нервную анорексию и булимию. (Овчаров, Максимова, 1995).

Нервная анорексия (anorexia nervosa) – расстройство пищевого поведения, характеризующееся настойчивым снижением массы тела, стремлением к радикальному похудению, что часто приводит к выраженному истощению, а в некоторых случаях – к летальному исходу. Это расстройство сопровождается болезненным убеждением о собственной чрезмерной полноте всего тела или его отдельных частей, которое зачастую не имеет объективных оснований. (Коркина, Цивилько, Марилов, 1996).

Данный вид расстройств пищевого поведения в основном, происходит у девушек в возрасте 15–19 лет. Лишь около 10% страдающих анорексией – мужчины. Предположительно это связано с высокой ценностью женской привлекательности в обществе (Witztum, Latzer, Stein, 2008).

Коннер и Армтейдж выделяют наиболее распространенную ситуацию в анамнезе пациента с анорексией – начало ограничительного пищевого поведения в виде диеты, зачастую, имеющих критически-низкую калорийность рациона, с целью улучшения формы тела. Питание и масса тела принимают характер навязчивых мыслей.

Булимия – расстройство приёма пищи, характеризующееся озабоченностью массой тела, периодическими приступами переедания и, следующими за перееданием, способами очистительного поведения.

Связь между булимией и психологическими проявлениями пациента начали замечать еще в начале 18 века. В конце 19 – начале 20 века булимия воспринималась

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

лась как форма невроза, то есть психологическое расстройство (Козлова, Глушкова, Егошина, 2020).

Существует несколько вариантов протекания булимии: очистительное поведение после приступа компульсивного переедания организуется путем вызывания рвоты или приема слабительных/мочегонных препаратов; период голодания после переедания; усиленная физическая активность с целью расходовать калории, приобретенные в обильном приеме пищи накануне.

У людей с булимией наблюдается значительная тревога по поводу употребления пищи и его воздействия на вес. Это проявляется в частых разговорах о лишнии килограммах, энергетической ценности блюд и т.д. В отличие от анорексии, булимия сложно определима, поскольку зачастую люди не демонстрируют свои пристрастия к еде в присутствии других людей. (Солодовник, Неповинных 2020).

Типы булимии:

1. Очистительный тип: человек провоцирует рвоту или злоупотребляет препаратами (слабительные, диуретики);

2. Булимия как вторая стадия анорексии: человек применяет другое компенсирующее поведение, например, отказывается от пищи или значительно превышает свою физическую нагрузку, не провоцируя рвоту регулярно и не злоупотребляя препаратами.

Медицинское толкование термина «компульсивное переедание» (КП) включает в себя бесконтрольное желание употреблять некоторые продукты под влиянием стресса и повышенной тревожности. Люди, стремящиеся к ограничениям в питании, зачастую теряют контроль над собой и претерпевают срыв – безграничное потребление продуктов, в которых ранее себя ограничивали.

В отличие от булимии, такие приступы не сопровождаются очистительными ритуалами, голоданием или избыточными физическими нагрузками. Часто люди, страдающие данным расстройством, имеют лишний вес или ожирение. После приступа они переживают чувство вины, стыда, эмоционального дискомфорта – что, порой, является пусковым механизмом начала следующего приступа. (Лапина, 2018)

Для установления диагноза «компульсивное переедание» частота приступов переедания должна составлять два и более раза в неделю в течение полугода.

Влияние СМИ на возникновение и развитие расстройств пищевого поведения

Значительной детерминантой развития пищевых девиаций, базирующихся на трансляции стандартов внешней привлекательности, являются СМИ, в частности, интернет.

Ранее предполагалось, что три социокультурных фактора – сверстники, родители и средства массовой информации вызывают сравнения и усвоение идеалов, что может усилить неудовлетворенность телом, что, в свою очередь, способствует дисфункции пищевого поведения (например, ограничениям и булимии). (Barthels, Kisser, & Pietrowsky, 2020).

В течение последних 30 лет средства массовой информации чрезмерно навязывали людям идеалы худобы, превращая этот идеал в новый эталон. Хотя исторически сложилось так, что нормы телосложения передавались в основном через традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, газеты, журналы), последние несколько лет стали свидетелями роста и расширения использования социальных сетей. Термин «социальные сети» относится ко всем веб-сайтам и онлайн-мобильным приложениям с пользовательским контентом. Они позволяют

своим пользователям участвовать в онлайн-обменах, транслировать контент, созданный самими пользователями, и вступать в виртуальные сообщества.

Несколько исследований показали, что воздействие социальных сетей может способствовать неудовлетворенности телом и приводить к рискованному пищевому поведению, транслируя идеалы худобы, к которым люди так стремятся. Среди выявленных механизмов, объясняющих этот результат, наиболее распространенными являются социальные сравнения, основанные на внешности и усвоении идеалов худобы посредством ежедневного контакта с идеализированными телами. Действительно, физическая внешность сегодня занимает центральное место в социальных сетях. (Jiotsa Naccache, Duval, Rocher, Grall-Bronnec, 2021)

Интернет в наше время является одним крупнейшим фактором возникновения нездорового отношения к собственному телу у людей. Трафик социальных сетей переполнен информацией и человечество непрерывно следит за ней. (Ильина, 2020)

Лихачева В. В. обращает внимание на чрезмерное стремление современных молодых людей к изменению собственного облика тела. Известно, что в различные эпохи появлялись свои каноны красоты. Если в XV веке излишняя худоба считалась признаком низкого достатка или болезней, то конец XX века и нынешнее время превозносят худобу как показатель красоты и здоровья, а, порой, и успеха. На сегодняшний день, между понятиями худобы и привлекательности стоит знак равенства.

Эталон красоты сегодня – худой человек, придерживающийся «правильного питания» и активно занимающийся в спортивном зале.

Пользователи таких социальных сетей и платформ, как Фейсбук (Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ), Инстаграм (Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ), Пинтерест, Снапчат и Тамблер, подвержены в большей степени влиянию стандартов красоты, а именно стремлению к снижению массы тела, поскольку платформы представляют преимущественно визуальные триггеры (Григорьева, Польская, 2019).

Контент средств массовой информации содержит многочисленные, перекрывающиеся и слишком часто нездоровые сообщения о гендере, привлекательности, идеальных размерах и формах тела, самоконтроле, желании, еде и управлении весом. Кросс-секционные исследования обычно указывают на скромную, но значимую положительную корреляцию между уровнем воздействия средств массовой информации и важной триадой: неудовлетворенностью своим телом, интернационализацией худощавого идеала и беспорядочным питанием. Хотя лонгитюдных исследований на удивление мало и, следовательно, требуется гораздо больше исследований, доступная литература предполагает, что для молодых людей степень воздействия средств массовой информации предсказывает увеличение негативного образа тела и РПП.

Многочисленные исследования подтверждают роль интернета и СМИ в развитии РПП, поскольку зачастую восприятие образов тела на пространстве социальных сетей и интернета лишено критичности. Фотографии зачастую подвергаются обработке, являются результатом удачного ракурса, освещения и других факторов, способствующих созданию «идеального» изображения.

Исследование *Does the Internet function like magazines? An exploration of image-focused media, eating pathology, приводит данные в пользу того, что транслируемые в массмедиа образы худобы влияют на развитие пищевых расстройств, а также на общую неудовлетворенность собственным телом, что может являться фактором риска развития дисморфофобии. В исследовании была выявлена положительная связь между просмотром фотографий с изображением моделей с низкой массой тела и*

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

телевизионных программ и возникновением РПП. Также, существуют исследования, которые изучали потенциальное влияние интернет-СМИ на поведение и отношение к расстройствам приема пищи. В этом исследовании изучались связи между воздействием средств массовой информации, ориентированных на изображение, неудовлетворенностью своим телом, пищевыми патологиями и интернетизацией стройного идеала в выборке из 421 студентки. Студентки бакалавриата тратили значительно больше времени на просмотр онлайн-медиа, ориентированных на внешний вид, а не на чтение журналов, посвященных имиджу. Использование Интернета и телевидения, ориентированное на внешний вид, было связано с патологией пищевого поведения. Эти результаты согласуются с результатами предыдущих исследований, и подчеркивают уязвимость людей с высоким уровнем идеальной интернетизации к воздействию средств массовой информации.

Одной из потенциальных стратегий противодействия негативному воздействию воздействия СМИ на изображение тела является повышение медиаграмотности, которое является важным компонентом защитной фильтрации. Медиаграмотность включает в себя критическую оценку того, как средства массовой информации изображают идеалы внешнего вида, например, осознавая изображаемые узкие идеалы красоты и широко распространенные цифровые модификации медийных образов (Andrew, Tiggemann, Clark, 2015).

Обсуждение результатов

Средства массовой информации со своим появлением начали транслировать стандарты красоты, который зачастую были далеки от средних показателей фигуры и веса в обществе. Так, изначально СМИ транслировали идеал женского тела, вес которого в среднем был на 10% ниже веса среднестатистической женщины. На данный момент это значение превышает 20%. В среднем сегодня вес моделей, инфлюенсеров или актрис на 95% ниже веса среднестатистических женщин.

Влияние средств массовой информации на неудовлетворенность образом тела и, в последствии, развитием РПП изучалось также в период лидерства телевидения по отношению к другим СМИ. Так, в эпоху популярности и доступности телевидения было проведено исследование, целью которого было изучить влияние телевидения на восприятие образа тела среди женщин. Исследование локализовалось на острове Фиджи, где на тот момент отсутствовало телевидение, а эталоном внешней привлекательности считались девушки с громоздким и крепким телом.

Среди жительниц острова был проведен опрос, который выявил, что лишь у маленького процента женщин был опыт, связанный с похудением или вызыванием рвоты с целью очищения. Спустя три года, когда на острове появились телевизоры, транслирующие европейские программы, где идеал красоты – худая девушка, был проведен повторный опрос, который выявил, что больше половины женщин (69 %) обратились к диете, 74 % опрошенных женщины считают себя толстыми и непривлекательными, а примерно 20 % прибегали к вызову рвоты.

Заключение

Расстройства пищевого поведения включают определенные поведенческие паттерны, связанные с нарушениями процесса принятия пищи, потреблением пищи, отклоняющимся от нормы.

Справочник психических расстройств DSM-5 в понятие «Расстройство пищевого поведения» включает нервную анорексию (патологическое желание худеть), булимию (очистительное поведение после еды путем стимулирования рвоты или

приема препаратов) и компульсивное переедание, именуемое также приступами обжорства (приступообразное поглощение пищи, в разы превышающее привычные порции). Детерминантой развития пищевых девиаций, базирующихся на трансляции стандартов внешней привлекательности, являются СМИ, в частности, интернет.

Многочисленные исследования подтверждают роль интернета и СМИ в развитии РПП, поскольку зачастую восприятие образов тела на пространстве социальных сетей и интернета лишено критичности. Фотографии зачастую подвергаются обработке, являются результатом удачного ракурса, освещения и других факторов, способствующих созданию «идеального» изображения.

В качестве инструмента для противодействия негативному влиянию средств массовой информации на восприятие образа тела и на развитие расстройств пищевого поведения, мы рекомендуем развивать медиаграмотность, которая будет включать в себя критическую оценку контента масс-медиа.

Немаловажно также стремиться к объективной оценке собственного тела, что подразумевает отказ от сравнения себя с другими и поддержание стабильной адекватной самооценки.

Литература

- Григорьева, Д. А., Польская, Н.А. (2019). Идеализация тела в социальных сетях как фактор риска нарушений пищевого поведения у девушек. В *Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития* (С. 346–348). Москва: МГППУ.
- Ильина, В. А. (2020). Идеализация расстройства пищевого поведения в виртуальном пространстве. *Скиф. Вопросы студенческой науки. Социологические науки*, 4(44), 45–99.
- Козлова, О. Н., Глушкова, К., Егошина Е. (2017). Булимия-чума 21 века. В *Сборник материалов XII межрегиональной научно-практической конференции «Здоровый образ жизни – веле-ние времени»* (С. 68–71). Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Йошкар-Олинский медколледж».
- Коннер, М. Армитейдж, К. Дж. (2012). *Социальная психология пищи*. Санкт-Петербург: Гуманитарный центр.
- Коркина, М. В., Цивилько, М. А., Марилов, В. В. (1996). *Нервная анорексия*. Москва: Медицина.
- Лапина, Ю. (2017). *Тело, еда, секс, тревога, что беспокоит современную женщину: Исследование клинического психолога*. Санкт-Петербург: Аргументы и факты.
- Лихачева, В. В. (2023). Героиновый шик или идеализация РПП в интернет – среде. В *Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции* (С. 44–56). Институт мировых цивилизаций.
- Малкина-Пых, И. Г. (2017). *Терапия пищевого поведения: справочник практического психолога*. Москва: Эксмо.
- Овчаров, В. К., Максимова М. В. (1995). *Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: МКБ-10*. Москва: Медицина.
- Пушкарская, Л. С., & Андреевна Е. В. (2016). *Компульсивное переедание – современные реалии проблемы*. Бюллетень медицинских интернет-конференций, 5, 752–752.
- Солодовник, Е. М., & Неповинных, А. (2020). Современные представления молодежи о расстройствах пищевого поведения (булимия). *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 3(42), 159–163. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10227>
- Barthels, F., Kisser, Ju., & Pietrowsky, R. (2020). Orthorexic eating Rbehavior and body dissatisfaction in a sample of young females. *Eating and Weight Disorders – Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*, 26(6), 2059–2063.
- Witztum, E., Latzer, Y., & Stein D. (2008). Anorexia Nervosa and Bulimia Nervosa as Idioms of Distress from the Historical Background to Current Formulations. *International Journal of Child and Adolescent Health*, 5(1), 284 – 294.

- Jiotsa, B., Naccache, B., Duval, M., Rocher, B., & Grall-Bronnec, M. (2021). Social Media Use and Body Image Disorders: Association between Frequency of Comparing One's Own Physical Appearance to That of People Being Followed on Social Media and Body Dissatisfaction and Drive for Thinness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(6), 28–80. <https://doi.org/10.3390/ijerph18062880>
- Andrew, R., Tiggemann M., & Clark L. (2015). The protective role of body appreciation against media-induced body dissatisfaction. *Body Image*, 18(15), 98–104. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.07.005>

References

- Andrew, R., Tiggemann M., & Clark L. (2015). The protective role of body appreciation against media-induced body dissatisfaction. *Body Image*, 18(15), 98–104. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.07.005>
- Barthels, F., Kisser, J., & Pietrowsky, R. (2020). Orthorexic eating Behavior and body dissatisfaction in a sample of young females. *Eating and Weight Disorders – Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*, 26(6), 2059–2063.
- Conner, M. Armytage, K. J. (2012). *Social psychology of food*. St. Petersburg: Humanitarian Center.
- Grigorieva, D. A., Polskaya, N.A. (2019). Idealization of the body in social networks as a risk factor for eating disorders in girls. In *Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference on Developmental Psychology* (pp. 346–348). Moscow: MGPPU.
- Ilyina, V. A. (2020). Idealization of eating disorders in virtual space. Scythian. *Questions of student science. Sociological Sciences*, 4(44), 45–99.
- Jiotsa, B., Naccache, B., Duval, M., Rocher, B., & Grall-Bronnec, M. (2021). Social Media Use and Body Image Disorders: Association between Frequency of Comparing One's Own Physical Appearance to That of People Being Followed on Social Media and Body Dissatisfaction and Drive for Thinness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(6), 28–80. <https://doi.org/10.3390/ijerph18062880>
- Korkina, M. V., Tsvilko, M. A., Marilov, V. V. (1996). *Anorexia nervosa*. Moscow: Medicine.
- Kozlova, O. N., Glushkova, K., Egoshina E. (2017). Bulimia is the plague of the 21st century. In *Collection of materials of the XII interregional scientific and practical conference "Healthy lifestyle is the call of the times"* (pp. 68–71). Yoshkar-Ola: GBPOU RME "Yoshkar-Ola Medical College".
- Lapina, Y. (2017). *Body, food, sex, anxiety, what worries the modern woman: A study by a clinical psychologist*. St. Petersburg: Arguments and facts.
- Likhacheva, V. V. (2023). Heroin chic or idealization of eating disorders in the Internet environment. In *Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 44–56). Institute of World Civilizations.
- Malkina-Pykh, I. G. (2017). *Eating behavior therapy: a handbook for a practical psychologist*. Moscow: Eksmo.
- Ovcharov, V. K., Maksimova M. V. (1995). *International statistical classification of diseases and related health problems: ICD-10*. Moscow: Medicine.
- Pushkarskaya, L. S., & Andreyanova E. V. (2016). Compulsive overeating is a modern reality of the problem. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 5, 752–752.
- Solodovnik, E. M., & Nepovinnykh, A. (2020). Modern ideas of young people about eating disorders (bulimia). *International Journal of Humanities and Sciences*, 3(42), 159–163. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10227>
- Witzum, E., Latzer, Y., & Stein D. (2008). Anorexia Nervosa and Bulimia Nervosa as Idioms of Distress from the Historical Background to Current Formulations. *International Journal of Child and Adolescent Health*, 5(1), 284–294.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.3>

Особенности смысложизненных ориентаций личности с разным уровнем успешности

Татьяна Ю. Мариненко^{1*}, Елена П. Калинина¹

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Почта ответственного автора: marinenkotan@rambler.ru

Аннотация

Во **введении** представлено обоснование актуальности исследования особенностей смысложизненных ориентаций личности с разным уровнем успешности. Обобщены результаты теоретического анализа исследований содержания мотивации достижения успеха, актуализирующей индивидуально психологический потенциал человека в ситуации реализации значимой деятельности. Описаны факторы, детерминирующие успех, особенности ценностных ориентаций личности, определяющих ее стремление к успешности и достижениям. Дана содержательная характеристика психологической готовности к продуктивной деятельности и взаимодействию. Новизна исследования заключается в выявлении и описании особенностей смысложизненных ориентаций личности с разным уровнем успешности. В содержании статьи включён сопоставительный анализ выраженности компонентов смысложизненных ориентаций и мотивации достижений у успешных и менее успешных субъектов. В разделе **Результаты** показана специфика проявления потребности в достижении, осмысленности жизни, ориентации на процесс или результат у лиц, находящихся на разных уровнях успешности. В данном разделе содержится анализ результатов эмпирического исследования особенностей компонентов смысложизненных ориентаций и потребности достижений у успешных и менее успешных субъектов, их ресурсов и рисков. В **Обсуждении результатов** представлено описание и интерпретация результатов эмпирического исследования особенностей смысложизненных ориентаций и мотивации достижений у личности на разных этапах успеха активности. Данные эмпирического исследования показывают наличие определенной специфики выраженности этих переменных у групп «успешных» и «менее успешных» субъектов студенческого возраста. Впервые показаны различия смысложизненных ориентаций личности, находящейся на разных уровнях успешности в учебно-профессиональной деятельности. В **Заключении** показана значимость разработки определенной

программы психологического сопровождения развития успешности личности в период профессиональной подготовки. Подчеркивается необходимость включения в эти программы проектной, научно-исследовательской, творческой деятельности, позволяющей личности погрузиться в интересные проекты и накопить позитивный опыт успеха, который может быть использован в будущем.

Ключевые слова

смысложизненные ориентации, личность, успешность, мотивация достижений, результативность

Для цитирования

Мариненко, Т. Ю., Калинина, Е. П. (2023). Особенности смысложизненных ориентаций личности с разным уровнем успешности. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(4), 35–44. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.3>

Research article

UDC 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.3>

Peculiarities of Life-meaning Orientations of Individuals with Different Levels of Success

Tatyana Y. Marinenko^{1*}, Elena P. Kalinina¹

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Corresponding author: marinenkotan@rambler.ru

Abstract

The introduction provides a rationale for the relevance of studying the characteristics of the life-meaning orientations of individuals with different levels of success. The results of a theoretical analysis of research into the content of motivation to achieve success, which actualizes the individual psychological potential of a person in the situation of implementing significant activities, are summarized. The factors that determine success, the characteristics of a person's value orientations that determine his desire for success and achievement are described. A meaningful description of psychological readiness for productive activity and interaction is given.

The novelty of the study lies in the identification and description of the characteristics of the life-meaning orientations of individuals with different levels of success. The content of the article includes a comparative analysis of the severity of the components of life-meaning orientations and achievement motivation in successful and less successful subjects. The Results section shows the specificity of the manifestation of the need for achievement, meaningfulness of life, orientation towards the process or result in individuals at different levels of success. This section contains an analysis of the results of an empirical study of the characteristics of the components of life-meaning orientations and the need for achievement in successful and less successful subjects, their resources and risks. The Discussion of the results presents a description and interpretation of the results of an empirical study of the characteristics of life orientations and achievement motivation in an individual at different stages of activity success. Data from an empirical study show that there is a certain specificity in the expression of these variables in groups of "successful" and "less successful" student subjects. For the first time, the differences in the life-meaning orientations of individuals at different levels of success in educational and professional activities are shown. The Conclusion shows the importance of developing a specific program of psychological support for the development of individual success during the period of professional training. The need to include project, research, and creative activities in these programs is emphasized, allowing the individual to immerse themselves in interesting projects and accumulate a positive experience of success that can be used in the future.

Keywords

life meaning orientations, personality, success, achievement motivation, effectiveness

For citation

Marinenko, T. Y., Kalinina, E. P. (2023). Peculiarities of life-meaning orientations of individuals with different levels of success. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(4), 35–44. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.3>

Введение

В настоящей социальной реальности успешность личности имеет значение не только в контексте индивидуальной жизнедеятельности человека, но и для общества в целом. В условиях новой реальности для прогрессивного развития важна ориентация субъекта на успех во всех областях жизни. Адекватное представление об успехе и способах его достижения расширяет индивидуальные возможности личности, определяя направления и темп роста и развития. В современных условиях выделяется стремление человека быть преуспевающим, притязания на высокое качество жизни и психологическое благополучие.

Психологи подчеркивают, что высокая мотивация достижения, стремление к успеху и личностному росту является нормой продуктивного становления личности и личностного самоопределения на протяжении жизненного пути (Артемова, 2018; Волкова, Сачкова, 2020).

В современной психологии выделяется комплекс факторов, детерминирующих успешность личности: смысловые ориентации личности, установки, субъ-

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ективные представления об успехе и способах его достижения; уровень и характер направленности активности; психологическую готовность к позитивным изменениям; потребность в достижении, компетентность, самостоятельность, организованность и креативность, и низкая личностная тревожность (Валиуллина, 2018; Дубровина, Домитрак и Фирсова, 2020).

В психологической науке феномен успеха трактуется как наделенный личностным смыслом положительный результат сознательной активности субъекта, направленной на достижение значимых целей, соотносимых с социальными эталонами и модой. В настоящее время психологи индивидуальный успех рассматривают как особую форму самореализации личности с высоким уровнем притязаний, обеспечивающая психологическое благополучие, позитивное самоотношение и признание эффективности со стороны значимых других (Джиги, 2020).

При этом, интересно, что личный, субъективно значимый успех осознается и оценивается человеком как доказательство своей состоятельности и самооэффективности.

По мнению психологов определяющее значение в успешности личности отдается мотивации достижений, ценностям, смысложизненным ориентациям, самоотношению, уровню притязаний, выраженности надситуативной активности, личностному потенциалу.

Психологи отмечают, что продуктивное осуществление любой деятельности субъектом подразумевает наличие таких личностных качеств, как: компетентность, креативность, лидерство, гибкость, критичность, выносливость, работоспособность, способность к самосовершенствованию, эмоциональная устойчивость, умение работать в команде.

Ценностное отношение личности к успеху отражается в содержании образа «Я», усиливает мотивацию и продуктивность активности, влияет на оценку самооэффективности и способности моделировать необходимые условия жизни. Аутопсихологическая компетентность личности является особо значимой внутренней детерминантой достижения успеха в деятельности и общении (Щербакова, Кичак и Лобода, 2018). В психологических исследованиях доказывалось наличие связи социального интеллекта и аутопсихологической компетентности субъекта с его успешностью и конструктивностью предпринимаемых действий. Обращенность в будущее составляет «эмоциональный центр», своеобразную психологическую ось всей аутопсихологической активности.

Психологи показывают значимость позитивных эмоциональных переживаний относительно себя как успешного или неуспешного субъекта для поддержания психологического благополучия (Батурин, 2018).

Сегодня уделяется большое внимание индивидуальной смысловой основе достижений человека в будущем, так как ценности, экзистенциальные смыслы, смысложизненные ориентации, смысловые стратегии имеют большое значение в построение продуктивной жизни.

В качестве детерминирующих факторов развития индивидуального успеха выделяют также личные устремления субъекта, эмоциональное принятие достижений, осознание нужности, желательности реализации выдвигаемых целей. Современный человек в своем смысловом поле интегрирует ценность компетентности, интерес к повышению качества жизни, стремление к самосовершенствованию. В социальной среде сегодня существует широкий спектр возможностей, как разнообразных

социальных лифтов, так и рисков, а устойчивая ориентация на успех возникает как результат социальных установок перфекционизма, транслируемых на всех уровнях социальных коммуникаций, становясь одной из ведущих в системе иерархизированных жизненных ценностей (Соколович, 2020).

В современных психологических исследованиях, подчеркивается нормативность успешности как определенного критерия индивидуального развития и эффективности, позволяющего самоутвердиться в социальных контекстах и занять определенный статус преуспевающего человека (Часникова, Тушнова, 2020).

В современных психологических работах ключ к пониманию природы успеха лежит в понимании и выявлении предикторов самореализации, продуктивного самоизменения и саморазвития.

Как демонстрируют исследования психологов, субъект, достигая успеха в разных сферах жизнедеятельности, получает от социума позитивное подкрепление в виде одобрения и признания, авторитета, определенного статуса и авансирования достижения жизненных планов в будущем, происходит развитие необходимых социальных навыков и коррекции социального поведения (Otto, 2019).

Результативность целеполагания обуславливается, четкостью желаемого образа, концентрацией когнитивных, эмоциональных, конативных, волевых, аксиологических и личностных ресурсов человека. Предпринимаемая действия с ориентацией на образ будущего, субъект становится более продуктивным и результативным, а опасения относительно неудач и препятствий снижает активность. Удовлетворенность субъекта успехом и неудовлетворенность неудачей, принятие ответственности за исход событий коррелируют с локусом контроля жизни и способностью контролировать процесс и результат протекания событий жизни (Проненко и Вашумирская, 2023).

Человек со сформированными смысложизненными ориентациями может самостоятельно определять цели личного успеха, способствующие его развитию и находящиеся в рамках современных социальных ориентиров, открывающие перспективу будущего личности.

В процессе решения вопроса о детерминации успеха на уровне конкретного субъекта в комплексе с индивидуально психологическими факторами, выделяют и феномен «страха успеха».

Психологические особенности феномена «страха успеха» связываются с доминирующими в социокультурном контексте установками и стереотипными представлениями о повышенном внимании к человеку достигающему и невозможности для него ошибаться.

Современные психологи отмечают, что на уровне социума и отдельного человека отношение к успешному человеку может быть амбивалентным в зависимости от социальных установок и содержания субъективных представлений. В работах психологов показано, что противоречивое отношение к образу успешного человека отражает проекции социальных стереотипов и позиций обыденного сознания. Самоактуализация, успех, видимый личностный рост, самосовершенствование, осязаемое продвижение предполагает выделение из социума, что может приводить к побуждению других выйти из зоны комфорта. В связи с этим, индивидуальный успех субъекта может восприниматься микросоциумом, как связанный с необходимостью перемен у окружающих и несущий потенциальный дискомфорт другим, побуждающий их к вынужденным трансформациям (Кривошеева, 2020; Назаров, 2020). Так как для успешного человека характерна ярко выраженная неадаптивная активность,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

готовность рисковать, то большое значение имеет устойчивая система смыслового контроля, которая способствует гармонизации деятельности.

Методы

Цель исследования – изучение особенностей представлений о детерминантах успеха в юношеском возрасте.

Для исследования выделенных параметров был использован следующий комплекс методик:

Тест «Смысложизненных ориентаций» («PIL» Д. Крамбо и Л. Махолик (модификация Д.А. Леонтьева)

Тест-опросник «Потребность в достижении» (Ю.М. Орлов, В.И. Шуркин, Л.П. Орлова). Методы математической статистики (критерий Манна–Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Экспериментальная база исследования: факультет психологии, педагогики и дефектологии ДГТУ. В исследовании приняли участие студенты в количестве 160 человека.

Результаты исследования

В программе эмпирического исследования принимали участие студенты факультета психологии, педагогики и дефектологии. Выборка была представлена двумя группами, которые были сформированы по результатам анализа академической успешности: «успешные» (группа «А») и «недостаточно успешные» (группа «Б»).

С помощью методики «Смысложизненные ориентации» (в модификации Д.А.Леонтьева) диагностировался уровень осмысленности жизни и выраженность основных параметров смысл жизненных ориентаций у студентов с разным уровнем академической успешности.

Сравнительный анализ полученных данных показал, что студенты, входящие в группу «А», имеют высокие показатели по шкалам «цели» и «результат», «локус контроля -Я». У респондентов группы «Б» в большей степени представлена ориентация на «процесс».

Сравнение результатов диагностики групп студентов с разным уровнем успеваемости продемонстрировало наличие различий между ними на уровне абсолютных значений. Успешные студенты (группа «А») имеют более высокие значения по ряду шкал: «цели в жизни», «результативность», «локус контроля – Я» и «общая осмысленность жизни». Эти показатели можно рассматривать как отражение таких характеристик студентов как целеустремленность и удовлетворение настоящим отрезком жизни, большая уверенность в том, что можно относительно свободно выбирать, строить жизнь в соответствии со своими целями. Менее успешные респонденты (группа «Б») в большей степени ориентированы на настоящее, чем на будущее.

С целью изучения связей между академической успешностью и смысложизненными ориентациями студентов был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (Rs).

Изучение корреляционных связей показало, что средний балл успеваемости имеет положительную корреляционную связь с целями в жизни ($r = 0,503$, $p = 0,023$), результативностью жизни, ($r = 0,514$, $p = 0,021$), локусом контроля Я ($r = 0,439$, $p = 0,007$) и общей осведомленностью жизни ($r = 0,628$, $p = 0,003$).

В результате, диагностики респондентов группы «А» и «Б» были получены данные относительно выраженности уровня потребности в достижениях. Успешные студенты преимущественно показывают повышенный и высокий уровень потребности достижений -59%, средний уровень 30% и только 11% - пониженный. Напротив, у менее успешных более выражен средний уровень потребности достижений -57% и только 23% студентов показали повышенный уровень и 20% - пониженный. С целью выявления достоверности различий у двух групп респондентов- студентов был применен критерий Манна-Уитни (U), было установлено, что потребность достижений у групп успешных и неуспешных студентов различается на уровне достоверности ($p = 0,003$). Таким образом, уровень потребности в достижении у студентов коррелирует с успешностью учебно-профессиональной деятельности.

Обсуждение результатов

Очевидно, стабильная высокая успеваемость позволяет студентам в большей степени ощущать продуктивность предпринимаемых усилий и жизни в целом, это также способствует повышению уверенности в своих возможностях, укреплению представления о способности контролировать свою жизнь, принимать решения и реализовывать на практике, продуктивно адаптироваться и быть эффективным субъектом коммуникаций нового типа (Звонова, 2020; Щербакова и Абачараева, 2022).

В связи с тем, что более успешные студенты чувствуют себя более уверенно, четче осмысливают цели жизни, умеют лучше контролировать результат, они больше удовлетворены своей жизнью, считают, что могут принимать решения и добиваться своих целей. В тоже время, «менее успешные» в большей мере ориентированы на процессуальность и происходящее в настоящем.

Оказалось, что более половины «успешных» студентов демонстрируют повышенный и высокий уровень потребности в достижениях, что поддерживает настойчивость в реализации поставленных целей, повышает ответственность за результат деятельности, показывают увлеченность самим процессом профессиональной подготовки. Эта группа студентов характеризуется амбициозностью, инициативностью, готовностью решать новые задачи, желанием получить признание своих способностей и достижений со стороны значимых других, умением аргументировать свою позицию. В комплексе детерминирующих факторов, влияющих определенным образом на успешность учебно-профессиональной деятельности студентов, смысложизненные ориентации задают содержание и направление активности, а потребность в достижении поддерживают ее устойчивость и интенсивность. При этом, сформированные смысложизненные ориентации способны поддерживать потребность субъекта в достижении, что стимулирует активность, направленную на преодоление возникающих препятствий в процессе реализации выдвинутой цели, за счет развития рефлексии (Зверева, 2020; Kayasheva & Khanova, 2019).

Интересным представляется тот факт, что с одной стороны потребность в достижении оказывает влияние на успешность обучения студентов, а с другой – потребность в достижении усиливается с ростом успешности учебно-профессиональной деятельности. Это связано с тем, что повышается и расширяется мотивация студентов, которые испытывают удовлетворение от успехов и снижается ситуационная тревожность в ситуации оценивания за счет уверенности в своих силах и активности.

В целом, уровень потребности в достижении у студентов, имеющих опыт успешных результатов учебно-профессиональной деятельности продолжает развиваться,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

так как учебные занятия вызывают в большей степени интерес, соответственно стимулируют к саморазвитию, заинтересованности и увлеченности.

Заключение

Особенности формирования у студентов устойчивой мотивации успеха в учебно-профессиональной деятельности связано с актуализацией мотивации достижений и содержанием профиля смысложизненных ориентаций. При этом, большую роль играют субъективные представления о способах достижения успеха и возможности корректировки своей активности в этом направлении. Специфика психологического сопровождения развития субъекта учебно-профессиональной деятельности в студенческом возрасте связана с реализацией функции проектирования успешности личности в будущем, стимулированием желания быть успешным и результативным. В психологических исследованиях акцентируется внимание на связи успешности личности и внешних поддерживающих факторов, способствующих реализации результативной активности.

В детерминации формирования моделей успеха в студенческом возрасте большое значение имеет погружение в проектную научно-исследовательскую, творческую активность, совершенствование умения оптимально использовать ресурсы в достижении цели. В этом ракурсе важен опыт реального объективированного успеха, наличие платформа апробации своих возможностей для студентов вуза и системы референтных оценок со стороны значимых окружающих и профильных социальных групп.

Литература

- Артемова, Ю. В. (2018). Развитие мотивации достижения успеха у будущих журналистов в процессе обучения в университете. *Психология образования в поликультурном пространстве*, 4 (44), 105–113.
- Батурин, Н. А. (2018). Успех и неудача как факторы взаимосвязи предыдущей и последующей деятельности. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 11(3), 5–12.
- Валиуллина, Е. В. (2019). Роль конфликтности личности в формировании потребности в достижении успеха. *NovaUm.Ru*, 17, 452–455.
- Волкова, Т. А., и Сачкова, М. Е. (2020). Мотивация достижения успеха в учебной деятельности у студентов. В *Социальная психология: вопросы теории и практики*: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М. Ю. Кондратьева (С. 127–130). Москва.
- Джиги, Н. Д. (2020). Взаимосвязь самоотношения студентов с мотивацией достижения успеха. *Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, Психологические науки, Филологические науки (литературоведение)*, 8, 78–83.
- Дубровина, С. В., и Домитрак, Е. С., и Фирсова, А. В. (2020). Взаимосвязь мотивации достижения успеха с личностной и ситуативной тревожностью у студентов медицинского вуза. В *Философия здоровья: интегральный подход: межвузовский сборник научных трудов* (С. 57–63). Иркутск: ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России.
- Зверева, Р. Г. (2020). Предпосылки развития мотивации достижения успеха с учетом возрастных особенностей. В *Университетские чтения – 2020: материалы научно-методических чтений ПГУ* (С. 44–49). ПГУ.
- Звонова, Е. В., и Мельников М. А. (2020). Характеристики мотивации достижения успеха для студентов-участников международных программ. *Международный научно-исследовательский журнал*, 9-2 (99), 191–195.
- Кривошеева, А. С. (2020). Взаимосвязь прокрастинации и мотивации достижения успеха у

студентов университета. *Научно-практические исследования*, 10-2 (33), 14–18.

- Назаров, С. М. (2020). Психологические барьеры на пути к достижению успеха в профессиональной деятельности. В *Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции* (С. 50–55).
- Проненко, Е. А., и Вашумирская Д. В. (2023). Характеристика достижения целей в профессиональной деятельности молодых людей: связь с уровнем самоофективности и локусом контроля. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(5), 18–26.
- Соколович, Е. А. (2020). Мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней зрелости. *Право. Экономика. Психология*, 3 (19), 105–109.
- Часникова, В. А., и Тушнова, Ю. А. (2020). Контент-анализ понятия «успех» пользователей социальных сетей. В *Актуальные проблемы науки и техники – 2020: материалы национальной научно-практической конференции* (С. 1137–1140).
- Щербакова, Т. Н., и Абачараева, М. А. (2022). Студент как субъект коммуникации условиях информационной мобильности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 5(6), 41–51.
- Щербакова, Т. Н., Кичак, А. В., и Лобода, Т. В. (2018). Аутопсихологическая компетентность как фактор достижения успеха субъекта профессиональной деятельности. В С. В. Недбаева (ред.) *Психологические практики в российском образовании: инновационный ракурс: Материалы Международной юбилейной интернет-конференции* (С. 213–217).
- Kayasheva, O. I., & Khanova, Z. G. (2019). The role of psychology students' reflexivity in securing professional success. *EurAsian Journal of BioSciences*, 13(2), 2051–2056.
- Otto, K. et al. (2019). *Do Social Skills Shape Career Success in the Psychology Profession?* Zeitschrift Für Arbeits-Und Organisationspsychologie A&O.

References

- Artemova, Y. V. (2018). Developing motivation to achieve success among future journalists while studying at the university. *Educational Psychology in Multicultural Spaces*, 4 (44), 105–113.
- Baturin, N. A. (2018). Success and failure as factors in the relationship between previous and subsequent activities. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 11(3), 5–12.
- Chasnikova, V. A., & Tushnova, Y. A. (2020). Content analysis of the concept of "success" of social network users. In *Current problems of science and technology – 2020: materials of the national scientific and practical conference* (P. 1137–1140).
- Dubrovina, S. V., & Domitruk, E. S., and Firsova, A. V. (2020). The relationship between motivation to achieve success and personal and situational anxiety among medical students. In *Philosophy of health: an integral approach: interuniversity collection of scientific papers* (pp. 57–63). Irkutsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Institute of State Medical University of the Ministry of Health of Russia.
- Jiga, N. D. (2020). The relationship between students' self-attitude and motivation to achieve success. *Bulletin of Baranovichi State University. Series: Pedagogical Sciences, Psychological Sciences, Philological Sciences (Literary Science)*, 8, 78–83.
- Kayasheva, O. I., & Khanova, Z. G. (2019). The role of psychology students' reflexivity in securing professional success. *EurAsian Journal of BioSciences*, 13(2), 2051–2056.
- Krivosheeva, A. S. (2020). The relationship between procrastination and motivation to achieve success among university students. *Scientific and Practical Research*, 10-2 (33), 14–18.
- Nazarov, S. M. (2020). Psychological barriers to achieving success in professional activities. In *Modern research into problems of human resource management: collection of scientific articles of the V International Scientific and Practical Conference* (pp. 50–55).
- Otto, K. et al. (2019). *Do Social Skills Shape Career Success in the Psychology Profession?* Zeitschrift Für Arbeits-Und Organisationspsychologie A&O.
- Pronenko, E. A., & Vashumirskaya D. V. (2023). Characteristics of achieving goals in the professional

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- activities of young people: connection with the level of self-efficacy and locus of control. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(5), 18–26.
- Shcherbakova, T. N., & Abacharaeva, M. A. (2022). The student as a subject of communication in the conditions of information mobility. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(6), 41–51.
- Shcherbakova, T. N., Kichak, A. V., & Loboda, T. V. (2018). Autopsychological competence as a factor in achieving success of a subject of professional activity. In S. V. Nedbaeva (ed.) *Psychological practices in Russian education: an innovative perspective: Proceedings of the International Anniversary Internet Conference* (pp. 213–217).
- Sokolovich, E. A. (2020). Motivation to achieve success and motivation to avoid failure in individuals with different levels and types of perfectionism during early adulthood. *Right. Economy. Psychology*, 3(19), 105–109.
- Valiullina, E. V. (2019). The role of personality conflict in the formation of the need to achieve success. *NovaUm.Ru*, 17, 452–455.
- Volkova, T. A., & Sachkova, M. E. (2020). Motivation for achieving success in educational activities among students. In *Social psychology: issues of theory and practice: Materials of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation in memory of M. Yu. Kondratiev* (P. 127–130). Moscow.
- Zvereva, R. G. (2020). Prerequisites for the development of motivation to achieve success, taking into account age characteristics. In *University readings – 2020: materials of scientific and methodological readings of PSU* (P. 44–49). PGU.
- Zvonova, E. V., & Melnikov M. A. (2020). Characteristics of motivation to achieve success for students participating in international programs. *International Journal of Scientific Research*, 9-2(99), 191–195.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.4>

Влияние билингвизма на личностные характеристики

Вероника В. Пономарева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

vepono@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Проблема билингвизма является актуальной на данном этапе развития международных отношений и экономического пространства, потому как люди с таким навыком совмещают в себе следы влияния нескольких культур, а значит, могут обладать личностными чертами, которые заинтересуют представителей социального направления профессий. В последние годы увеличилась потребность в специалистах, способных оперировать несколькими языковыми системами. Проблема должна получить больше интереса со стороны ученых России, потому как билингвизм на территории многонациональной страны зарождается неизбежно и необходимо сделать все возможное для сохранения и расширения культурного разнообразия, обусловленного взаимодействием личностей, находящихся в нескольких общественных средах.

Методы. Тестирование проводилось при помощи «Большой пятерки» и «Опросника эмоциональной эмпатии», далее был использован критерия Манна-Уитни для выделения статистически значимых различий естественных, искусственных билингвов и одноязычных людей по полученным показателям. **Результаты.** Испытуемые, которые разговаривают на двух языках, имеют статически значимо более высокие уровни экстраверсии и экспрессивности по сравнению с теми, которые разговаривают только на одном языке. Однако по показателям эмпатийности значимых различий не было обнаружено. **Обсуждение результатов.** Анализ литературы, посвященной экспериментальным исследованиям билингвов, подтвердил наличие значительных различий. В рассмотренных исследованиях особенно отмечена когнитивная гибкость билингвов по сравнению с монолингвами. Необходимо более основательное исследование особенностей личности билингвов, потому как действительно качественных современных экспериментов, связанных с этой темой, в научном пространстве не так много.

Ключевые слова

билингвизм, двуязычие, монолингвы, иностранный язык, Большая пятерка, эмоциональная эмпатия, личность

Для цитирования

Пономарева, В. В. (2023). Влияние билингвизма на личностные характеристики. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(4), 45–53. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.4>

Research article

UDC 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.4>

Influence of Bilingualism on Personality Characteristics

Veronika V. Ponomareva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

vepono@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The problem of bilingualism is relevant at this stage of development of international relations and economic space, because people with this skill combine traces of the influence of several cultures, which means they may have personality traits that will interest representatives of social professions. In recent years, the need for specialists capable of operating multiple language systems has increased. The problem should receive more interest from Russian scientists, because bilingualism inevitably arises on the territory of a multinational country and it is necessary to do everything possible to preserve and expand cultural diversity to the interaction of individuals located in several social environments. **Methods.** In order to determine the exact range of subjects studied, a theoretical review of the literature was conducted. The most appropriate interpretation of the varieties of bilingualism was chosen. Testing was carried out using the «Big Five» and the «Emotional Empathy Questionnaire», then the Mann-Whitney test was used to identify statistically significant differences between natural, artificial bilinguals and monolingual people according to the obtained indicators. **Results.** Subjects who speak two languages have statistically significantly higher levels of extraversion and expressiveness compared to those who speak only one language. However, no significant differences were found in empathy scores. **Discussion.** An analysis of the literature on experimental studies of bilinguals confirmed the presence of significant differences. The studies reviewed particularly noted the cognitive flexibility of bilinguals compared to monolinguals. **Conclusion.** A more thorough study of the personality traits of bilinguals is necessary, because there are not many truly high-quality modern experiments related to this topic in the scientific space.

Keywords

bilingualism, monolinguals, foreign language, Big Five Personality traits, emotion empathy, personality

For citation

Ponomareva, V. V. (2023). Influence of bilingualism on personality characteristics. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(4), 45–53. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.4>

Введение

Билингвизм, или умение говорить на двух языках, является актуальной темой для изучения на современном этапе развития экономики и межкультурной коммуникации. В настоящее время активно используется около семи тысяч языков, потому очевидным является то, что они, вследствие тесного взаимодействия, обусловленного географическим положением, глобализацией и ростом миграции, смешиваются, перенимая некоторые черты друг друга. Язык, как основной носитель культуры, представляет собой средство передачи истории народа, традиций и ценностей определенной среды. Поэтому люди, способные говорить на двух или более языках, вызывают интерес хотя бы потому, что зачастую личности с таким навыком совмещают в себе черты влияния нескольких крупных общественных сред, а это значит, могут обладать некоторыми психологическими характеристиками, которые отличаются от показателей монолингвов и могут быть интересны специалистам в области социальных взаимодействий.

Билингвизм является крайне полезным навыком в условиях профессиональной конкуренции, потому как в эпоху постиндустриального общества возрастает количество стран, работающих в своих исследованиях совместно с другими. Специалист любой сферы, говорящий на нескольких языках, очень востребован, потому как в социуме многоязычных людей признают как легко обучаемых, способных использовать несколько точек зрения для принятия лучшего решения в возникающих проблемах и приспосабливаться к различным обстоятельствам, то есть на почве данных навыков идет своеобразная идентификация профессионального успеха. Современные исследования достигают той точки, после которой обмен опытом и взглядами на изучаемые феномены с учетом социокультурных особенностей, необходим для глубокого анализа интересующего явления, потому страны организуют совместные исследования. Обращаясь к проблеме применения иностранных психологических методик: если бы общество было больше вовлечено в идею распространения изучения языков, перед профессионалами возникало бы меньше проблем, касающихся адаптации тестов.

Данная проблема не получает достаточного интереса со стороны отечественной науки, однако, стоит заметить, что Россия – многонациональная страна и проведение исследований билингвов могло быть полезным в вопросах обучения и, возможно, оказании психологической поддержки двуязычных и многоязычных людей. Русский язык преобладает по употреблению в нашем обществе как государственный, но даже в этой ситуации не стоит забывать о наличии других, принятых в некоторых республиках (Халидов, 2020). Культуры народов смешиваются и рожают новые идеи,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

в свою очередь смерть языковых меньшинств и его представителей ведет к утрате идентичности (Никифорова, 2008). Личности, находящиеся под давлением, обусловленным той самой рецессией языка, который они активно используют, не могут быть здоровыми членами общества и приносить позитивные изменения в социальную среду. Так как возникновение двуязычия неизбежно, я считаю актуальным вопрос влияния билингвизма на личность. Изучение феномена поможет определить приоритетное направления наук, заинтересованных в изучении поставленной проблемы.

Целью данной работы является поиск закономерностей между наличием или отсутствием билингвизма и личностными характеристиками, в том числе будут рассмотрены показатели эмпатии. Это пилотажное исследование поможет наметить дальнейший план изучения темы личности билингвов и проблем, с которыми они сталкиваются.

Методы

Для точного определения круга испытуемых, был проведен анализ теоретических источников, содержащих базовую информацию о феномене билингвизма. Целью данного этапа работы было нахождение наиболее подходящей относительно трактовки явления системы, которую можно было бы рассмотреть качественно. Так Вайнрайх в своей гипотезе отмечает, что речевое поведение двуязычных носителей различно, некоторые из них способны овладеть несколькими иностранными языками так же хорошо, как своим родным, и интерференция у них оказывается незначительной. Другие владеют вторым языком значительно слабее (Вайнрайх, 1972), но отмечается, что для присвоения статуса билингвизма необходимо их попеременное использование одним индивидом. Он выделял составной билингвизм, использующийся в смешанных семьях, координативный, предполагающий использование одного в зависимости от окружения и субординативный, представляющий собой обыкновенное научение языку. Все это является лишь доказательством того, что типология билингвизма может иметь несколько вариаций. В свою очередь, Розенцвейг определяет его как владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения (Розенцвейг, 1972).

Если обратимся к психолингвистике, то увидим совсем иную систему приобретения и владения очередности языков: Я1 – первый язык или родной и Я2 – второй язык или приобретенный. Второй язык иногда впоследствии может вытеснить первый, если он является доминантным в данной языковом окружении. Различают два вида билингвизма: 1) естественный (бытовой); 2) искусственный (учебный). Двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка вплотную приближается к степени знания первого (Легостаева, 2014). Эта трактовка была наиболее комфортной для проведения исследования, поэтому было принято решение использовать именно такое понимание при тестировании испытуемых.

Проводилось анкетирование с целью сравнения характеристик личности монолингвов, естественных и искусственных билингвов, в возрастной категории от 17–25 лет. Разделение двуязычных людей на две категории было сделано для того, чтобы проверить вероятность нахождения отличий по показателям. Для общего удобства было выбрано тестирование в виде Google формы, всего приняли участие 18 человек. Испытуемым предлагалось ответить на несколько простых вопросов, касающихся времени изучения или знания каждого из двух языков, а также трудностей, с которыми они столкнулись в связи с билингвизмом.

Пятифакторный опросник личности («Большая пятерка») (Р. МакКрай и П. Кост,

адаптация А.Б. Хромова) (Хромов А.Б., 2000), который был предоставлен испытуемым, хорошо подошел под запросы исследования. Он представляет собой набор из 75 парных, противоположных по своему значению, стимульных высказываний, характеризующих поведение человека.

Стимульный материал имеет пятиступенчатую оценочную шкалу Лайкерта (-2; -1; 0; 1; 2), с помощью которой можно измерять степень выраженности каждого из пяти факторов. Р. МакКрае и П. Коста использовали для обозначения пяти факторов следующие термины: 1) нейротизм, 2) экстраверсия, 3) открытость опыту, 4) сотрудничество, 5) добросовестность. Сумма баллов первичных факторов по вертикали определяет количественную выраженность основного фактора. Минимальное количество набранных баллов для любого основного фактора равно 15, максимальное количество – 75. Условно балльные оценки можно разделить на высокие (51–75 баллов), средние (41–50 баллов) и низкие (15–40 баллов).

Следующим был опросник эмоциональной эмпатии (разработан А. Мехрабианом и М. Эпштейном в 1972 году, адаптирован на русском языке Ю. М. Орловым и Ю. Н. Емельяновым в 1986 году) (Солдатова, 2008). Эмпатические тенденции тоже составляли предмет интереса в рамках поставленной проблемы, ведь именно они помогают людям проявлять сочувствие к окружающим, придавать значение чужим эмоциям и гибко выражать свои. Опросник состоит из 33 пунктов, с которыми респондент выражает своё согласие или несогласие. По шкале были подсчитаны средние показатели по группе и индивидуальные значения каждого испытуемого.

Результаты

В результате тестирования, были образованы три равные группы респондентов, в соответствии с их языковыми способностями для того, чтобы рассмотреть каждую категорию в равной степени, данные представлены на рисунке 1. Малая выборка тестируемых была избрана потому, что данная статья представляет собой пилотажное исследование закономерности. Тем не менее, количество людей достаточно для того, чтобы заметить взаимосвязи билингвизма и особенностей личностных характеристик, в том числе уровня эмпатии.

Рисунок 1.

Форма билингвизма у испытуемых

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Большое количество испытуемых отметило, что среди проблем билингвизма они столкнулись со сложностью перевода с одного языка на другой и случайным смешиванием слов.

Количественный анализ данных показал, что у естественных билингвов более высокие показатели (53 балла) по шкале «экстраверсия - интроверсия», чем у не билингвов (45,6 балла), при этом у искусственных билингвов показатели самые высокие из всех представленных категорий (55,8 баллов). Исследуемые билингвы обладают более высоким уровнем экстраверсии по сравнению с не-билингвами. Такие люди любят перемены, более оптимистичны и лучше выполняют задания в условиях дефицита времени, чаще всего отдают свое предпочтение работе с людьми. Однако, у экстравертов ослаблен контроль над чувствами, что может выражаться в склонности к всплескам эмоций и вспыльчивости.

По шкале «самоконтроль-импульсивность» не-билингвы обладают самыми высокими показателями (58,8 баллов) по сравнению с искусственными билингвами (54,6 баллов), в свою очередь показатель естественных билингвов является самым низким (52 балла), что говорит о высоком самоконтроле поведения монолингвов по сравнению с двуязычными испытуемыми. Полученные по данному фактору значения позволяют найти связь между интроверсией, выделенной у значительного числа не-билингвов. Пессимисты, обладая высоким самоконтролем, позволяют себе проявлять меньше чувств. Соответственно, можно предположить в согласии с выделяемыми закономерностями, что билингвы более склонны к импульсивности, особенно это выражается у естественных двуязычных людей.

Также значимыми являются показатели шкалы «экспрессивность-практичность», потому как показатели искусственных (65,5 балла) и естественных (61,5 баллов) билингвов значительно выше значений не-билингвов (52,5 балла). Это означает, что билингвы обладают большей экспрессивностью по сравнению с не-билингвами, которые имеют более выраженную практичность. По опроснику эмоциональной эмпатии различий между исследуемыми группами не наблюдается.

Для математической проверки полученных результатов, было проведено сравнение средних значений по шкалам методик с помощью критерия U Манна-Уитни (Mann, Whitney, 1947), что отражено в таблице 1.

Таблица 1.

Значимость различий средних значений билингвов и не-билингвов по критерию U Манна-Уитни

Шкалы	Асимптоты знч. (двухсторонняя)
Экстраверсия – интроверсия	0,019
Привязанность – обособленность	0,574
Самоконтроль – импульсивность	0,481

Шкалы	Асимптоты знч. (двухсторонняя)
Эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость	0,542
Экспрессивность – практичность	0,011
Шкала эмпатийных тенденций	0,511

Результат анализа средних значений по шкалам методик с помощью критерия U Манна-Уитни показал, что существуют статистически значимые различия между принявшими участие в исследовании билингвами и не-билингвами по показателям шкалы «Экстраверсия–интроверсия» ($p = 0,019$) и шкалы «Экспрессивность–практичность» ($p = 0,011$). Таким образом, те испытуемые, которые разговаривают на двух языках, имеют статически значимо более высокие уровни экстраверсии и экспрессивности по сравнению с теми испытуемыми, которые разговаривают только на одном языке.

Обсуждение результатов

С целью поиска подтверждения результатов тестирования, был проведен обзор литературы, посвященной исследованиям других психологических характеристик билингвов. Так, ранее было проведено трехэтапное исследование характеристик шведско-английских билингвов, в ходе которого было обнаружено их способность менять свою «личность» при переходе из одной культуры в другую (Dylman, Zakrisson, 2023). Степень эмоциональных реакций на какую-либо получаемую информацию тоже значительно отличается, существует некоторая сложность во взаимодействии культуры, языка и поведения. Различные комбинации соотношения этих аспектов оказывают влияние на проявление личностных характеристик билингвов.

Боэр Б. отмечает, что личность ребенка играет важную роль в становлении билингвизма. Так, маленькому экстраверту будет легче общаться, чем более тихому интроверту (Боэр, 2020). Также, И. В. Бганцева и Л. А. Милованова в своем исследовании установили, что лица с преимущественным проявлением экстраверсии имеют более высокий уровень иноязычной коммуникативной компетенции (Бганцева, Милованова, 2017). Эти данные могут подтверждать выявленную значимость критерия экстраверсия-интроверсия у тестируемых в отношении уровня изучения языка.

Двуязычные учащиеся по сравнению с одноязычными со схожим социокультурным уровнем, имеют явное превосходство по тестам умственного развития над одноязычными, особенно в задачах, требующих оригинальности мышления и умственной гибкости (Богус, 2008). Их чувствительность к семантическим взаимоотношениям между словами особенно отмечается.

Эксперименты Верещагина были посвящены ассоциациям немецкого и русского языков с понятиями в условиях билингвизма (Верещагин, 2014), они выявили наличие некоторых особенностей. При общении с одноязычным человеком, иноязычные лексемы не употреблялись в диалогах, но при взаимодействии двух двуязычных людей шло постоянное переключение между системами в коммуникативных целях. Часто понятие имеет у билингва ассоциации только на этом языке и на втором не передает всего смысла. Если лексема годится для данной речевой ситуации, то она вводится в звучащую речь, а если не подходит, то начинаются поиски подходящей. Это наблюдение может говорить о когнитивной гибкости билингвов, что, на мой взгляд, является значимым преимуществом, которое в дальнейшем должно быть лучше изучено.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Ранние исследования данного феномена приводили к несправедливому выводу о том, что билингвизм негативно сказывается на умственных способностях детей. Однако на данный момент нет реальных доказательств того, что билингвы страдают от психических расстройств больше, чем монолингвы, то, что подразумевают под изменениями личности, представляет лишь удивительную способность переключения между контекстами ситуаций на разных языках (Миличева, 2018). Наоборот, подтверждается полезное влияние - одинаковое владение лексико-грамматическими системами двух языков, обуславливающее интеллектуальную гибкость и широкие языковые компетенции. У двуязычных детей улучшается речь, память, они способны лучше схватывать не только структуру языка, но и его содержательную часть (Алфорова, 2015).

Вывод

В результате тестирования, а также дальнейшей проверки результатов, была выявлена значимая зависимость. Показатели экстраверсии и экспрессивности более высокие именно у двуязычных испытуемых, так как была найдена закономерность, поставленная цель была выполнена, тем не менее необходимо дальнейшее, более глубокое исследование проблемы, поскольку имеющиеся в научном пространстве данные относительно билингвизма и его особенностей, закономерностей отражения на личности не считаю достаточным.

Благодарности

Выражаю особую благодарность своему научному руководителю Проненко Евгению Александровичу, доценту кафедры общей и педагогической психологии Южного федерального университета за помощь в планировании статьи и рекомендации по ее оформлению.

Литература

- Абделила-Боэр, Б. (2020). *Дети-билингвы: практический путеводитель для родителей*. Минск: Дискурс.
- Алфорова, Г. А., Луцкая, С. В. (2015). Проблемы билингвизма в современном обществе. *Молодой ученый*, 7.3 (87.3), 2–3.
- Бганцева, И. В., Милованова, Л. А. (2017). Технология учета индивидуальных психотипологических особенностей студентов при обучении иностранному языку. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 6 (119), 46–51.
- Богус, М. Б. (2008). Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие личности обучаемых. *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер.: Педагогика и психология.
- Вайнрайх, У. (1972). Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*, 6, 25–60.
- Верещагин, Е. М. (2014). *Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)*. Москва – Берлин: Директ-медиа.
- Легостаева, О. В. (2014). Билингвизм и проблемы межкультурной коммуникации. *Актуальные вопросы современной науки*, 31, 94–103.
- Миличева, М. Г. (2018). О психолингвистике и нейролингвистике билингвизма. *Вопросы науки и образования*, 8 (20).
- Никифорова, П. Г. (2008). Проблема национальной идентичности в условиях глобализации. *Вестник Башкирского университета*. Сер.: Философия, социология, политология и культурология, 13(2), 384.
- Розенцвейг, В. Ю. *Языковые контакты*. Ленинград: Наука, 1972.

- Солдатова, Г. У., и Шайгерова, Л. А. (2008). *Психодиагностика толерантности личности*. Москва: Смысл.
- Халидов, А. И. (2020). Будущее языков народов России в контексте новой тенденции в языковой политике. В *Модели исследования коммуникативного поведения билингов: материалы Национальной научной конференции с международным участием*. Грозный: Изд-во ЧГПУ.
- Хромов, А. Б. (2000). *Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие*. Курган: Изд-во Курганского гос. университета.
- Dylman, A. S., Zakrisson, I. (2023). The effect of language and cultural context on the BIG-5 personality inventory in bilinguals. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. <https://doi.org/10.1080/01434632.2023.2186414>
- Mann, H. B., Whitney, D. R. (1947). On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other. *Annals of Mathematical Statistics*, 18, 50–60.

References

- Abdelila-Boer, B. (2020). *Bilingual children: a practical guide for parents*. Minsk: Discourse.
- Alferova, G. A., Lutskaya, S. V. (2015). Problems of bilingualism in modern society. *Young Scientist*, 7.3 (87.3), 2–3.
- Bgantseva, I. V., Milovanova, L. A. (2017). Technology of taking into account individual psychological characteristics of students when teaching a foreign language. *News of Volgograd State Pedagogical University*, 6 (119), 46–51.
- Bogus, M. B. (2008). The influence of bilingualism on the intellectual development of students' personality. *Bulletin of Adygea State University. Ser.: Pedagogy and psychology*.
- Weinreich, W. (1972). Monolingualism and multilingualism. *New in Linguistics*, 6, 25–60.
- Vereshchagin, E. M. (2014). *Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)*. Moscow – Berlin: Direct Media.
- Legostaeva, O. V. (2014). Bilingualism and problems of intercultural communication. *Current Issues in Modern Science*, 31, 94–103.
- Milieva, M. G. (2018). About psycholinguistics and neurolinguistics of bilingualism. *Issues of Science and Education*, 8 (20).
- Nikiforova, P. G. (2008). The problem of national identity in the context of globalization. *Bulletin of the Bashkir University. Ser.: Philosophy, sociology, political science and cultural studies*, 13(2), 384.
- Rosenzweig, V. Yu. *Language contacts*. Leningrad: Nauka, 1972.
- Soldatova, G. U., and Shaigerova, L. A. (2008). *Psychodiagnostics of personality tolerance*. Moscow: Meaning.
- Khalidov, A. I. (2020). The future of the languages of the peoples of Russia in the context of a new trend in language policy. In *Models for studying the communicative behavior of bilinguals: proceedings of the National Scientific Conference with International Participation*. Grozny: ChSPU Publishing House.
- Khromov, A. B. (2000). *Five-factor personality questionnaire: Educational and methodological manual*. Kurgan: Kurgan State Publishing House. university.
- Dylman, A. S., Zakrisson, I. (2023). The effect of language and cultural context on the BIG-5 personality inventory in bilinguals. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. <https://doi.org/10.1080/01434632.2023.2186414>
- Mann, H. B., Whitney, D. R. (1947). On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other. *Annals of Mathematical Statistics*, 18, 50–60.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Механизмы психологической защиты и копинг-стратегии представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции

Светлана Ю. Мохова^{1*}, Антонина В. Привезенцева²

¹Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация

²Забайкальский горный колледж имени М. И. Агошкова, Чита, Российская Федерация

Почта ответственного автора: svetalina-999@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты изучения склонности к 13 видам аддикций у представителей юношеского возраста Z-поколения, которое ограничено 1997–2012 годами рождения. **Цель исследования:** исследовать механизмы психологической защиты и копинг-стратегии у представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции. **Теоретическое обоснование.** Теоретические построения о проявлениях способов девиаций опираются на два концепта, объясняющих природу девиаций. З. Фрейду удалось описать механизмы психологической защиты при работе с невротическими проявлениями. Патохарактерологическое, психопатологическое виды поведения и поведение на базе гиперспособностей относятся к девиантному поведению. Позднее Лацарус описал копинг-стратегии, а современной психологией проблема девиантного поведения рассматривается в рамках психологического здоровья. Результаты. Изучение распределений полученных в исследовании данных по каждой шкале методики (13 видов зависимостей) Г. В. Лозовой позволило обнаружить частоту появления случаев с низким, высоким и средним значениями по определенному виду зависимости. Проведенный расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена указал на имеющиеся в каждой группе с определенным уровнем склонности к виду зависимости связи механизмов психологической защиты и копинг-стратегий. **Обсуждение результатов.** Распределение выборочных значений по уровням выборки уточнил частоту появления низкого, среднего и высокого уровней склонности к каждому виду зависимости. Анализ выявленных связей копинга и механизма защиты в каждой отдельной группе с определенным уровнем склон-

ности к зависимому поведению позволил показать наличие и характер этих связей. Результаты содержат обоснование профилактической работы по предупреждению зависимостей в юношеском возрасте **Новизна и оригинальность исследования** видится в подтверждении психометрическими методами данных наблюдения, описанных психотерапевтами и психологами в своих исследованиях прошлых лет. Исследование имеет данные, доступные для сопоставления с группой юношеского возраста в последующих поколениях, и позволяет выполнять мониторинг по заявленной проблеме.

Ключевые слова

Z-поколение; аддикция, копинг-стратегии, механизмы психологической защиты, юношеский возраст

Для цитирования

Мохова, С. Ю. Привезенцева, А. В. (2023). Механизмы психологической защиты и копинг-стратегии представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(4), 54–75. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.5>

Research article

UDC 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.5>

Mechanisms of Psychological Protection and Coping Strategies of the Z-generation Youth Prone to Addiction

Svetlana Y. Mokhova^{1*}, Antonina V. Privezentseva²

¹Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

²Transbaikal Mining College named after M. I. Agoshkov, Chita, Russian Federation

*Corresponding author: svetalina-999@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of a study of the propensity to 13 types of addictions in representatives of the Z-generation youth, which is limited to 1997–2012 years of birth.

The purpose of the study: to investigate the mechanisms of psychological protection and coping strategies in the adolescent representatives of the Z-generation, prone to addiction. **Theoretical justification.** Theoretical constructions about the manifestations of deviation methods are based on two concepts explaining the nature of deviations. Z. Freud managed to describe the mechanisms of psychological protection when working with neurotic manifestations. Pathoharacterological, psychopathological behaviors and behavior based on hyper abilities refer to deviant behavior. Latsarus later described coping strategies, and modern psychology considers the problem of deviant behavior within the framework of psychological health. Results. Studying the distributions of the data obtained in the study on each scale of the methodology (13 types of dependencies) G. V. Lozova made it possible to detect the frequency of occurrence of cases with low, high and average values for a certain type of dependence. The calculation of Spearman's rank correlation coefficient indicated that there are connections between psychological defense mechanisms and coping strategies in each group with a certain level of addiction to the type of dependence. **Discussion.** The distribution of sample values by sample levels clarified the frequency of occurrence of low, medium and high levels of propensity for each type of addiction. The analysis of the revealed links between coping and the protection mechanism in each individual group with a certain level of addiction to dependent behavior allowed us to show the presence and nature of these links. The results provide a justification for preventive work to prevent addictions in adolescence The novelty and originality of the study is seen in the confirmation by psychometric methods of the observation data described by psychotherapists and psychologists in their research of previous years. The study has data available for comparison with a group of young people in subsequent generations, and allows monitoring of the stated problem.

Keywords

Z-generation; addiction, coping strategies, mechanisms of psychological protection, adolescence

For citation

Mokhova, S. Y., Privezentseva, A. V. (2023). Mechanisms of Psychological Protection and Coping Strategies of the Z-generation Youth Prone to Addiction. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(4), 54–75. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.5>

Введение

Освоение социальных норм поведения подрастающим поколением происходит в результате запретов или поощрений демонстрируемых им форм поведения. Поощряемые при этом поступки обеспечивают стабильность и безопасность как для всего общества, так и для отдельного человека. В юношеском возрасте происходит переход от пристального внимания со стороны взрослых к самостоятельности, предполагающей ответственность за выбор совершения поступков. Чаще всего в этом возрасте увеличивается число случаев девиантного поведения. Молодые люди особенно уязвимы и податливы нарушению социальных норм в силу отсутствия умения правильно реагировать на возникающие провоцирующие ситуации неодобряемыми обществом поступками.

Как показывает анализ зарубежной и отечественной литературы, отклоняющееся поведение в юношеском возрасте описано и объяснено в теоретических концепциях, а также в результатах эмпирических исследований. Л. И. Анциферова пишет: «Психологи работают над выявлением конструктивных, неконструктивных и самопоражающих стратегий в драматических жизненных условиях (Анциферова, 1994, с. 3). Частота вовлечения в варианты девиантного поведения и изучение взаимосвязи механизмов психологической защиты с копинг-стратегиями требует постоянного мониторинга у представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к нарушению социальных норм поведения. Выделение эмпирических данных, относящихся к поколению рождённому в период с 1997 по 2012 год (z-поколению), обеспечивает выявление динамики склонности к зависимому поведению представителей отдельного возраста в различные исторические периоды.

Цель исследования: исследовать механизмы психологической защиты и копинг-стратегии у представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к девиантному поведению. Изучить различия в копинг-стратегиях и механизмах психологической защиты в подгруппах с низкими, средними и высокими показателями по каждому виду зависимости. Выявить наличие корреляционных связей показателей копинг-поведения и значений механизмов психологических защит в выборках с разными уровнями показателей в каждом виде зависимого поведения.

В исследовании проверялось предположение о том, что между механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции, существует различие в степени их проявлений и образовании устойчивых связей в зависимости от уровня склонности к одному или более видам зависимостей.

Литературный обзор

В девиантном поведении различают патологические и непатологические формы. Широкую группу представляют варианты аддиктивного поведения. Делинквентное и криминальное (преступное) поведение имеет низкую частоту встречаемости и чаще всего изучается в рамках юридической психологии. Результатами теоретических изысканий по вопросам аддиктивного поведения являются модели вариантов реагирования на стрессовые ситуации, сознательные и бессознательные процессы и механизмы регулирования эмоциональных состояний.

Обзор имеющихся теоретических построений о проявлениях способов девиаций у юношества показал, что имеется два концепта объясняющие природу девиаций: защитные механизмы и копинг-стратегии. Патохарактерологическое, психопатологическое виды поведений и поведение на базе гиперспособностей относятся к девиантному поведению. Не случайно З. Фрейду удалось описать механизмы психологической защиты при работе с невротическими проявлениями. Позднее Лацарус описал копинг-стратегии, а в современной психологии проблема девиантного поведения рассматривается в рамках психологического здоровья.

З. Фрейд при изучении возможностей психоанализа обнаружил, защитные механизмы неосознаваемые его пациентами (Фрейд, 1995). Механизмы защиты как бессознательные процессы помогают Эго справиться с внешними и внутренними угрозами, которые ощущаются пациентами как тревога. Позже А. Фрейд в своей работе «Эго и Механизмы Защиты» сделала важный шаг в развитии и популяризации психоаналитических идей о механизмах психологической защиты. Наряду с обоснованием десяти механизмов защиты, описанных ее отцом (регрессия, вытеснение, формирование

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

реакции, изоляция, пассивность, проекция, интроекция, замещение, отрицание, сублимация), А. Фрейд дополнительно описала несколько новых. Идентификация с агрессором; уничтожение сделанного; фантазирование; интеллектуализация и альтруистическая уступка вошли в список научных открытий А. Фрейда.

Копинг-стратегии имеют несколько определений. Копинг в рамках черт личности определяется как относительно неизменная предрасположенность реагировать на стрессовые ситуации. В другом варианте рассмотрения копинг описывается как один из способов психологической защиты. К психологической защите человек прибегает с целью ослабления внутреннего напряжения. Копинг понимается как достигнутый результат (Friedman, 1977; Lazarus, 1966).

Р. Лазарус и С. Фолкман, исследователи стратегий совладающего поведения, предлагают понимать копинг как динамический процесс с постоянно изменяющимися когнитивными и поведенческими попытками руководить внутренними и внешними требованиями. Требования оцениваются как напряженные или превосходящие возможности индивида. В рамках социально-когнитивной теории стресса Р. Лазарус в 1966 году предложил концепт копинг-стратегий. Понятие «копинг-стратегии» упоминается как «организационный конструкт, используемый для того, чтоб охватить бесчисленное количество действий, которые используются индивидами для того, чтоб справиться со стрессовым опытом». Методика классиков психологии совладания С. Фолкман и Р. Лазаруса «Ways of Coping Questionnaire» (WCQ; «Опросник способов копинга») (Lazarus, 1966; Lazarus, Folkman, 1984) имеет несколько вариантов адаптации в исследованиях: Битюцкой в 2015 году, Вассермана и др. в 2010, Крюковой в 2010, Джидарьяном и Антоновой в 1995.

Интерес к копинг-стратегиям появился в психологии относительно недавно. Из-за сложности изучения самого феномена совладания с трудностями ученые еще не обозначили единую классификацию копинг-поведения и продолжают исследовать этот феномен (Нижегородцева, 2017; Онуфриева, 2016; Журавлёв и др., 2018; Сергиенко и др., 2021).

Зарубежные исследователи не оставляют без внимания вопросы зависимого поведения, психологического здоровья и вариантов его сохранения при наличии осознанности нарушений поведения (Araas, 2008; Selkie et al, 2015; Amai, Hojo, 2021; Roekel, 2015; Aggrey et al, 2016; Antheunis, Schouten, Walther, 2020). В зарубежных источниках имеются также работы, направленные на создание психометрических инструментов изучения нарушенного поведения, способов совладания с проблемными ситуациями, уровнями осознанности происходящего (Chow, 2017; Rudkin et al, 2018).

Вопросам девиантного поведения подростков уделяли внимание многие отечественные исследователи Е. В. Змановская, Ю.А. Клейберг (Змановская, Рыбников, 2011).

Л. Б. Шнейдер рассматривает девиантное поведение, как разновидность агрессивного поведения. Я. И. Гишинский определили сущность понятия «де-виантное поведение» и его проявления в подростковой среде. Е. В. Змановская, выделяет специфические особенности отклоняющего поведения (Змановская, Рыбников, 2011).

Методы

В исследовании приняло участие 254 человека юношеского в возрасте от 15 до 18 лет. Отдельно ответы группы девушек (116 девушек) и группы юношей (138 юношей) не обрабатывались.

Для каждого вида зависимости выделялись группы с высокими, средними и низкими показателями. Для каждого уровня выраженности отдельного вида зависимости изучался характер связи копинг-стратегий и механизмов психологической защиты

Метод стандартизированных отчетов включил следующие методики:

- Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей. (Лозовая, 2007).
- Опросник Плутчика–Келлермана–Конте. Методика предназначена для диагностики механизмов психологической защиты;
- Опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса (Lazarus, Folkman, 1984).

Математико-статистической обработки данных психодиагностики проводилась с применением критерия Хи-квадрат и расчетом коэффициента ранговой корреляции Чарльза Эдварда Спирмена.

Результаты

Г. В. Лозовая в своей методике диагностики склонности к аддикции выделила 13 видов зависимостей. Нами были получены результаты исследования склонности к каждому из видов зависимого поведения (табл.1).

Таблица 1

Распределение числа участников психодиагностики по уровням склонности к зависимости в каждой из шкал методики

Виды зависимостей	Уровень зависимости		
	Высокий	Средний	Низкий
Любовная зависимость	58	155	41
Зависимость от здорового образа жизни	53	40	161
Межполовая зависимость	51	171	32
Зависимость от алкоголя	50	150	54
Пищевая	24	141	89
Зависимость от курения	18	84	152
Наркотическая зависимость	11	83	160

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Виды зависимостей	Уровень зависимости		
	Высокий	Средний	Низкий
Лекарственная зависимость	10	71	173
Зависимость от интернета, компьютера	7	40	207
Трудовая зависимость	5	149	100
Религиозная зависимость	4	35	215
Телевизионная зависимость	3	79	172
Игровая зависимость	3	57	194
Общая склонность к зависимостям	18	135	101

Для каждого вида из 13 зависимостей был рассчитан коэффициент корреляции Спирмена всех механизмов психологической защиты со всеми формами совладающего поведения. В представленных ниже таблицах статьи показаны только коэффициенты корреляции Спирмена, которые определяют ранговую корреляционную связь как значимую. Незначимая корреляционная связь в статье не представлена.

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена значений всех механизмов психологической защиты с показателями всех форм совладающего поведения внесены в отдельные таблицы для каждой из зависимостей, определенных в методике Г. В. Лозовой (табл. 2), (табл.3), (табл.4).

Таблица 2

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена значений по шкалам механизмов психологической защиты с показателями форм совладающего поведения при низком уровне склонности к определенному виду зависимости

Вид зависимости	Копинг-стратегия	Механизм психологической защиты	Коэффициент корреляции Спирмена
Общая зависимость	Принятие ответственности	Замещение	-0,280*
Общая зависимость	Бегство-избегание	Замещение	-0,269*
Общая зависимость	Планирование решения проблемы	Подавление	-0,273*
Алкогольная	Положительная переоценка	Замещение	-0,331**
ТВ (телевизионная)	Конфронтационный копинг	Реактивное образование	0,167*
ТВ (телевизионная)	Принятие ответственности	Подавление	-0,160*
Межполовая	Самоконтроль	Компенсация	-0,357*
Межполовая	Самоконтроль	Реактивное образование	0,401*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Вид зависимости	Копинг-стратегия	Механизм психологической защиты	Коэффициент корреляции Спирмена
Межполовая	Принятие ответственности	Интеллектуализация	0,385*
Компьютерная	Положительная переоценка	Подавление	-0,139*
Пищевая	Положительная переоценка	Замещение	-0,228*
Пищевая	Положительная переоценка	Реактивное образование	0,237*
Лекарственная	Самоконтроль	Компенсация	-0,181*
Лекарственная	Положительная переоценка	Замещение	-0,150*
Курение	Положительная переоценка	Подавление	-0,162*
Курение	Положительная переоценка	Замещение	-0,190*
ЗОЖ (здоровый образ жизни)	Принятие ответственности	Регрессия	-0,331*
ЗОЖ (здоровый образ жизни)	Дистанцирование	Проекция	0,381*
Наркотики	Планирование решения проблемы	Замещение	0,245*
Игровая	Самоконтроль	Подавление	-0,162*
Игровая	Самоконтроль	Компенсация	-0,151*
Игровая	Принятие ответственности	Подавление	-0,152*
Игровая	Положительная переоценка	Подавление	-0,166*

*- на уровне значимости $\alpha=0,05$

Для каждого вида зависимости в группе с низкими показателями были рассчитаны коэффициенты корреляции значений механизмов психологической защиты и показателей копинг стратегий (табл. 2). В первой группе с низкими показателями по «общей зависимости» между «положительной переоценкой» и «замещением» ($r = -0,280$ при $\alpha = 0,05$) выявлена значимая корреляционная связь (табл. 2). При снижении тенденции к замещению возрастает положительная переоценка. Проблемная ситуация в переосмыслении получает положительные значения и смыслы. В результате появляется стимул для личностного роста и перенос своей агрессии на других, более слабых ослабевает. Значимая корреляционная связь между «бегством-избеганием» и «замещением» ($r = -0,269$ при $\alpha = 0,05$) свидетельствует о том, что при снижении тенденции к «замещению» возрастает «бегство-избегание», что может говорить о стремлении избавиться от требований социального окружения и удовлетворения потребности в эмоциональной поддержке. При наличии объекта, который вызывает тревогу и страх характерна реакция переноса своей реакции с недоступного объекта или объекта на доступный, замена неприемлемого действия на приемлемое.

Значимая корреляционная связь между «планированием решения проблемы» и «подавлением» ($r = -0,273$ при $\alpha = 0,05$) в группе с низким показателем общей зависимости говорит о том, что при снижении тенденции к подавлению возрастает проявление таких качеств, как чрезмерная рациональность, интуитивность и спонтанность в поведении, недостаточная эмоциональность.

В группе с низкими показателями по «алкогольной зависимости» выявлена значимая корреляционная связь между «положительной переоценкой» и «замещением» ($r = -0,331$ при $\alpha = 0,01$) (табл. 2). При снижении тенденции к «замещению» возрастают показатели «положительной переоценки». Вероятность недооценки личностью возможностей действенного разрешения проблемной ситуации может стать причиной ухода в аддиктивное поведение. При снижении тенденции к «положительной переоценке» повышаются показатели по шкале «замещение». Подросток сдерживает деструктивные мысли, импульсы, направленные на значимых людей, близких, ценой совершения по отношению к себе действия, которое он хотел бы направить на другого (табл. 2).

В первой группе с низкими показателями по «телевизионной зависимости» выявлена значимая корреляционная связь между «конфронтационным копингом» и «реактивным образованием» ($r = 0,167$ при $\alpha = 0,01$) (табл. 4), которая показывает, что при снижении тенденции к «реактивному образованию» возрастает «конфронтационный копинг», активное противостояние трудностям и стрессогенному воздействию, недостаточная целенаправленность и рациональная обоснованность поведения в проблемной ситуации.

Корреляционная связь между «принятием ответственности» и «подавлением» ($r = -0,160$ при $\alpha = 0,01$) может быть понята так, что при «подавлении» происходит принятие «ответственности». Это очень травмирующая корреляция в особенности для людей юношеского возраста. С одной стороны, подавление болезненных последствий, каких-либо травмирующих мыслей, недопонимание, ограниченная способность воспринимать образы, слова, а с другой, вероятность принятия чрезмерной ответственности и возникновение необоснованной самокритики.

В группе с низкими показателями по «межполовой зависимости» выявлена значимая корреляционная связь между «самоконтролем» и «компенсацией» ($r = -0,357$ при $\alpha = 0,05$). Компенсация вероятных ошибок, нарушений в деятельности осуществляется в результате самоконтроля. Самоконтроль понимается как проверка

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

субъектом своих действий, их дублирование, усиление значимости гностических движений, углубленная оценка ожидаемого результата. Ожидание результата в итоге его углубленной оценки используется по механизму обратной связи для коррекции конкретных управляющих воздействий.

При корреляционной связи между «самоконтролем» и «реактивным образованием» ($r = 0,401$ при $\alpha = 0,05$) происходит трансформация одной эмоции на прямо противоположную вследствие того, что респонденты не разрешают испытывать себе первичное чувство вследствие самоконтроля. Такое наличие связи можно считать проактивным.

Для представителей юношеского возраста с низким уровнем межполовой зависимости выявлена корреляционная связь между принятием ответственности и интеллектуализацией ($r = 0,385$ при $\alpha = 0,05$). Представителям этой группы для того, чтобы избежать соприкосновения с эмоциями свойственно подменять их интеллектуальными продуктами по возникшей проблеме, теориями об эмоциях – без непосредственного проживания.

В первой группе с низкими показателями по «пищевой зависимости» выявлена значимая корреляционная связь между «бегством-избеганием» и «замещением» ($r = -0,253$ при $\alpha = 0,05$). У представителей юношеского возраста, чем выше стремление избегать нежелательных для него ситуаций, тем выше уровень тревоги, страха. Это объясняет тенденцию перенести свою реакцию с недоступного объекта или объекта, который вызывает тревогу и страх, на доступный, чаще всего на себя.

Корреляционная связь между положительной переоценкой и замещением ($r = -0,228$ при $\alpha = 0,05$) у первой группы с низкими показателями по «пищевой зависимости» показывает, что при повышении «замещения» снижается «положительная переоценка». В этой связи человек в юношеском возрасте ставит себе запрет выражать гнев, зависимый от перенапряжения. Связь положительной переоценки с реактивным образованием ($r = 0,237$ при $\alpha = 0,05$) можно считать проактивным образованием.

В группе с низким уровнем компьютерной зависимости выявлена значимая корреляционная связь между «положительной переоценкой» и «подавлением» ($r = -0,139$ при $\alpha = 0,05$), что означает, вероятность недооценки представителями юношеского возраста возможностей действительного разрешения проблемной ситуации, блокирования неприятной, нежелательной информации.

В группе с низкими показателями по шкале «лекарственная зависимость» выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «самоконтроль» и механизмом психологической защиты «компенсация» ($r = -0,181$ при $\alpha = 0,05$) (табл. 2). Наличие связи означает выраженное стремление к уходу от реальности. Для этого изменяется психическое состояние, обеспечивающее изменение в восприятии сигналов тревоги и причинно-следственных связях, в результате выбора лекарственных препаратов.

Значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «положительная переоценка» и механизмом психологической защиты «замещение» ($r = -0,150$ при $\alpha = 0,05$) при понижении «замещения» показывает возрастание «положительной переоценки» и попытку преодоления негативных переживаний, вызванных проблемой, за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста, а также переноса своих реакций на других людей.

В группе с низкими показателями по шкале «зависимость от курения» выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «положительная переоценка» и механизмом психологической защиты «подавление» ($r = -0,162$ при $\alpha = 0,05$) (табл. 2). Намеренное подавление своих негативных эмоциональных реакций и переосмысление и попытки своих действий. Данную связь можно считать проактивной.

При корреляционной связи между копинг-стратегией «положительная переоценка» и механизмом психологической защиты «замещение» ($r = -0,190$ при $\alpha = 0,05$) в группе с низкими показателями склонности к зависимости от курения означают попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста.

В группе с низкими показателями по шкале «зависимость от здорового образа жизни» выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «принятие ответственности» и механизмом психологической защиты «регрессия» ($r = -0,331$ при $\alpha = 0,05$) (табл. 2). В связи с неосознанными попытками представителей юношеского возраста избежать внутреннего конфликта наблюдается нежелание решать проблемы.

При корреляционной связи между копинг-стратегией «дистанцирование» и механизмом психологической защиты «проекция» ($r = 0,381$ при $\alpha = 0,05$) в группе с низкими показателями по шкале «зависимость от здорового образа жизни» приписывание другому человеку собственных мыслей, чувств, желаний, намерений, качеств, причем чаще всего негативного свойства повышает вероятность обесценивания собственных переживаний, недооценку значимости и возможностей действенного преодоления проблемных ситуаций.

В группе с низкими показателями по шкале «наркотическая зависимость» выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «планирование решения проблемы» и механизмом психологической защиты «замещение» ($r = 0,245$ при $\alpha = 0,05$). Подростки предпринимают попытки преодоления проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы. При этом происходит перенос своих реакций с недоступного объекта, который вызывает неприятные эмоции и чувства, на другого человека или себя.

В группе с низкими показателями по шкале «игровая зависимость» выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «самоконтроль» и механизмом психологической защиты «подавление» ($r = -0,162$ при $\alpha = 0,05$). Прошедшие психодиагностику подавляют эмоциогенные импульсивные поступки, рациональный подход к проблемным ситуациям, неприятную, нежелательную информацию в результате самоконтроля.

Связь между копинг-стратегией «самоконтроль» и защитным механизмом «компенсацией» статистически значима ($r = -0,151$ при $\alpha = 0,05$). Представители группы с низкими показателями по шкале «игровая зависимость» при попытках самоконтроля неосознанности слабости, разочарования, желания, трудностей выражения переживаний, потребностей и побуждений в связи с проблемной ситуацией компенсируется сверхконтролем поведения.

Связь между копингом «принятие ответственности» и защитным механизмом «подавление» у представителей группы с низкими показателями по шкале «игровая зависимость» статистически значима ($r = -0,152$ при $\alpha = 0,05$) и является отрицательной. Полученная зависимость говорит о том, что представители юношеского возраста чувствуют возможность необоснованной самокритики и принятия чрезмерной ответственности, блокировании неприятной, нежелательной информации.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Связь между копингом «положительная переоценка» и защитным механизмом «подавление» в группе с низкими показателями по шкале «игровая зависимость» статистически значима ($r = -0,166$ при $\alpha = 0,05$) и является отрицательной. Полученная зависимость говорит о том, что испытуемые недооценивают личностные возможности действенного разрешения проблемной ситуации, возможность необоснованной самокритики и принятия чрезмерной ответственности.

Таблица 3

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена значений по шкалам механизмов психологической защиты с показателями форм совладающего поведения при среднем уровне склонности к определенному виду зависимости

Шкала зависимости	Копинг-стратегия	Механизм психологической защиты	Коэффициент корреляции Спирмена
Общая зависимость	Бегство-избегание	Интеллектуализация	-0,162*
Общая зависимость	Конфронтационный копинг	Регрессия	0,165*
Общая зависимость	Самоконтроль	Подавление	-0,165*
Общая зависимость	Поиск социальной поддержки	Подавление	-0,190*
Алкогольная	Конфронтационный копинг	Компенсация	0,300**
Алкогольная	Конфронтационный копинг	Замещение	0,194*
Алкогольная	Самоконтроль	Проекция	-0,172*
Алкогольная	Планирование решения проблемы	Подавление	0,246**
ТВ (телевизионная)	Планирование решения проблемы	Отрицание	0,303**
Межполовая	Бегство-избегание	Замещение	-0,153*
Межполовая	Положительная переоценка	Подавление	-0,197*

Шкала зависимости	Копинг-стратегия	Механизм психологической защиты	Коэффициент корреляции Спирмена
Межполовая	Положительная переоценка	Замещение	-0,203**
Компьютерная	Самоконтроль	Отрицание	-0,307*
Компьютерная	Самоконтроль	Компенсация	-0,361*
Компьютерная	Поиск социальной поддержки	Компенсация	-0,293*
Пищевая	Конфронтационный копинг	Отрицание	0,196*
Пищевая	Конфронтационный копинг	Регрессия	0,179*
Пищевая	Конфронтационный копинг	Замещение	0,205*
Лекарственная	Конфронтационный копинг	Регрессия	0,260*
Лекарственная	Поиск социальной поддержки	Подавление	-0,243*
Курение	Конфронтационный копинг	Подавление	0,296**
Курение	Принятие ответственности	Подавление	-0,216*
ЗОЖ (здоровый образ жизни)	Конфронтационный копинг	Проекция	0,165*
Наркотики	Дистанцирование	Проекция	0,151*
	Самоконтроль	Регрессия	-0,173*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шкала зависимости	Копинг-стратегия	Механизм психологической защиты	Коэффициент корреляции Спирмена
Игровая	Принятие ответственности	Проекция	0,329*
Игровая	Положительная переоценка	Проекция	0,359**
** - на уровне значимости $p = 0,01$			
* - на уровне значимости $p = 0,05$			

В группе со средним показателем общей зависимости выявлена значимая связь между «бегством-избеганием» и «интеллектуализацией» ($r = -0,162$ при $\alpha = 0,05$) (табл. 3). При снижении тенденции к «интеллектуализации» возрастает копинг-стратегия «бегство-избегание». Представители юношеского возраста избегают эмоционального дискомфорта, если не видят возможных вариантов разрешения проблемы, снижение вероятности накопления трудностей, осознают краткосрочный эффект предпринимаемых действий.

В группе со средним уровнем склонности к алкогольной зависимости значимая корреляционная связь между «конфронтацией» и «компенсацией» ($r = 0,300$ при $\alpha = 0,01$) обозначает возрастание показателей конфронтационного копинга при снижении тенденции к компенсации. Проблема разрешается за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности. Представители юношеского возраста в связи с возникшими трудностями реагирует конкретными действиями, направленными либо на изменение ситуации, либо на выражение негативных эмоций. Аналогично прочитывается значимая корреляционная связь показателей шкалы «конфронтация» с показателями шкалы «замещение» ($r = 0,194$ при $\alpha = 0,05$). При снижении «конфронтации» возрастает «замещение» и «компенсация», что ведет к переводу эмоциональных реакций на другие объекты, тему и игнорирование болезненных ситуаций или вероятность перехода аддикта на новую форму аддикции (табл.3).

Корреляционная связь между «самоконтролем» и «проекцией» ($r = -0,172$ при $\alpha = 0,05$) у группы со средним уровнем склонности к алкогольной зависимости показывает на избегание эмоциогенных импульсивных поступков, преобладание рационального подхода к проблемным ситуациям. Приписывание другому собственных мыслей, чувств, желаний, намерений, качеств, причем чаще всего негативного свойства, перевод своей проблемы на другого человека наблюдаются при низких показателях самоконтроля.

Корреляционная связь между «планированием решения» проблемы и «подавлением» ($r = -0,246$ при $\alpha = 0,01$) показывает, что в группе со средним уровнем склонности к алкогольной зависимости при снижении тенденции к механизму психологической защиты «подавление» возрастает копинг-стратегия «планирование» решения проблемы. Оказавшись в стрессовой ситуации, юношество мобилизует все

ресурсы: ментальные, когнитивные и поведенческие. Затем планируются варианты выхода из сложившейся ситуации.

В группе со средними показателями межполовой зависимости значимая корреляционная связь обнаружена между «планированием решения проблемы» и «отрицанием» ($r = 0,303$ при $\alpha = 0,01$). Объясняется наличие связи тем, что «отрицание» стимулирует восприятия объектов ситуации, вызывающих тревогу. Данный защитный механизм в группе со средними показателями склонности к алкогольной зависимости обеспечивает относительную независимость от изменений ситуации, устойчивость к стрессовым воздействиям и юношество включается в планирование решения проблемы.

В группе со средними показателями межполовой зависимости значимая корреляционная связь между «бегством-избеганием» и «замещением» ($r = -0,153$ при $\alpha = 0,05$) объясняется тем, что чем сильнее проявляется защита «замещение», тем чаще будет применяться копинг «бегство - избегание» и, наоборот, чем меньше стремление применять копинг «бегство – избегание», тем реже будет использоваться защита «замещение».

Значимая корреляционная связь между «положительной переоценкой» и «подавлением» ($r = -0,197$ при $\alpha = 0,05$) при росте «положительной переоценки» показывает попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. При снижении положительного переосмысления возрастает подавление.

Также значимая корреляционная связь между «положительной переоценкой» и «замещением» ($r = -0,203$ при $\alpha = 0,01$) обеспечивает при росте положительной переоценки попытки преодоления желания разрядки эмоций на незначимом объекте, что позволяет не прибегать к копинг-стратегиям, направленным на снижение эмоционального дискомфорта.

В группе со средними значениями по «пищевой зависимости» значимая корреляционная связь между «конфронтационным копингом» и «отрицанием» ($r = 0,196$ при $\alpha = 0,05$) объясняется тем, что повышается уровень агрессивности и происходит отрицание проблемных ситуаций. Связь «конфронтационного копинга» с «регрессией» ($r = 0,179$ при $\alpha = 0,05$) содействует поведению агрессивного состояния при бессознательной демонстрации поведения ребенка (табл.3). Связь «замещения» и «конфронтационного копинга» ($r = 0,205$ при $\alpha = 0,05$) свидетельствует о том, что человек юношеского возраста переносит агрессию с недоступного объекта на доступный, тем самым, разряжая напряжение, созданное нереализуемой потребностью, недостижимой целью. Связь относится нами к неадаптивному психическому образцованию, так как человек прилагает агрессивные усилия к изменению ситуации.

В группе со средними показателями по «компьютерной зависимости» значимые корреляционные связи выявлены между «самоконтролем» и «отрицанием» ($r = -0,361$ при $\alpha = 0,05$), самоконтролем и «компенсацией» ($r = -0,361$ при $\alpha = 0,05$). Наличие данных связей показывает усиление саморегуляции действий при отрицании проблем, которые возникли во время употребления. Компенсаторный копинг предполагает попытку исправления или нахождения замены имеющемуся варианту поведения.

Значимая корреляционная связь при низком уровне склонности к компьютерной зависимости между «поиском социальной поддержки» и «компенсацией» ($r = -0,293$ при $\alpha = 0,05$) означает формирование зависимой позиции путем восполнения недостающих черт личности для удовлетворения чрезмерных ожиданий от окружающих.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В группе со средними показателями по шкале «лекарственная зависимость» значимая корреляционная связь между стратегией «конфронтационный копинг» и «регрессией» ($r = 0,260$ при $\alpha = 0,05$) при снижении тенденции к «регрессии» обеспечивает возрастание выраженности «конфронтационного копинга». У представителей юношеского возраста появляются попытки разрешения проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности. Конкретные действия направлены либо на изменение ситуации, либо на отреагирование негативных эмоций в связи с возникшими трудностями.

Значимая корреляционная связь между «поиском социальной поддержки» и «подавлением» ($r = -0,243$ при $\alpha = 0,05$) в группе со средним уровнем склонности к лекарственной зависимости означает формирование зависимой позиции и чрезмерных ожиданий по отношению к окружающим. Компенсация обеспечивает восполнение недостающих черт личности, сознательность, намеренный уход от неприятных мыслей.

В группе со средними показателями склонности к зависимости от курения значимая корреляционная связь между «конфронтационным копингом» и «подавлением» ($r = 0,296$ при $\alpha = 0,01$) показывает, что при понижении подавления повышается конфронтационный копинг. Для изменения ситуации у человека появляется враждебность, готовность к риску, агрессивные тенденции.

Корреляционная связь между «принятием ответственности» и «подавлением» ($r = 0,216$ при $\alpha = 0,05$) говорит, что у прошедших психодиагностику со средними показателями склонности к зависимости от курения есть понимание личной роли в возникновении актуальных трудностей, блокировании неприятной, нежелательной информации.

В группе со средними показателями по шкале «зависимость от здорового образа жизни» корреляционная связь между копинг-стратегией «конфронтационный копинг» и механизмом психологической защиты «проекция» ($r = 0,165$ при $\alpha = 0,05$) проявляется в действиях, направленных на разжигание противоборства, столкновения и приписывание другому человеку собственных мыслей, чувств, желаний, намерений, качеств, причем чаще всего негативного свойства.

В группе со средними показателями по шкале «наркотическая зависимость» значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «дистанцирование» и механизмом психологической защиты «проекция» ($r = 0,151$ при $\alpha = 0,05$), является положительной. Участники, прошедшие психодиагностику, преодолевают негативные переживания в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т. п., приписывают кому-то или чему-то свои собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера.

Связь между копингом «самоконтроль» и защитным механизмом «вытеснение» статистически значима ($r = -0,173$ при $\alpha = 0,05$). Представители юношеского возраста группы со средними показателями по шкале «наркотическая зависимость» целенаправленно подавляют и сдерживают эмоции, минимизируют их влияние на оценку ситуации и подавление болезненных последствий, каких-либо травмирующих мыслей. Вытеснение объясняет процессы недопонимания, ограниченную способность воспринимать образы, слова.

В группе со средними показателями по шкале «игровая зависимость» выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «принятие ответственности» и механизмом психологической защиты «проекцией» ($r = 0,329$ при $\alpha = 0,05$).

У представителей юношеского возраста, вероятно, есть понимание личностной роли в возникновении актуальных трудностей, но они склонны приписывать другому собственных мыслей, чувств, желаний, намерений, качеств, причем чаще всего негативного свойства, делегировать свои проблемы другому человеку.

Связь между копингом «положительная переоценка» и защитным механизмом «проекция» в группе со средними показателями по шкале «игровая зависимость» статистически значима ($r = 0,359$ при $\alpha = 0,01$). Респонденты осмысливают проблемную ситуацию в позитивном ключе за счет приписывания другому человеку собственных мыслей, чувств, желаний, намерений, качеств, причем чаще всего негативного свойства. Возможно делегирование своей проблемы на другого человека или поиск виноватого.

Таблица 4

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена значений по шкалам механизмов психологической защиты с показателями форм совладающего поведения при высоком уровне склонности к определенному виду зависимости

Шкала зависимости	Копинг-стратегия	Механизм психологической защиты	Коэффициент корреляции Спирмена
Межполовая	Конфронтационный копинг	Регрессия	0,453**
	Конфронтационный копинг	Компенсация	0,411**
	Самоконтроль	Компенсация	-0,283*
Пищевая	Конфронтационный копинг	Регрессия	0,406*
	Положительная переоценка	Проекция	0,402*
Курение	Положительная переоценка	Интеллектуализация	0,559
	Конфронтационный копинг	Подавление	0,533
ЗОЖ (здоровый образ жизни)	Положительная переоценка	Замещение	0,298*
*- на уровне значимости = 0,05			

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В группе с высоким уровнем межполовой зависимости значимая корреляционная связь между «конфронтационным копингом» и «регрессией» ($r = 0,453$ при $\alpha = 0,01$) показывает, что возврат к детским, менее зрелым и адекватным формам поведения и реагирования приводит к потере целенаправленности (табл. 4). Межполовая зависимость преимущественно предопределяет результат разрядки эмоционального напряжения. Уход от требований действительности приводит к уменьшению тревоги. Взаимосвязь можно считать неадаптивной. Тем не менее, личность получает способность сопротивляться трудностям.

В группе с высоким уровнем межполовой зависимости выявлена корреляционная связь между «конфронтационным копингом» и «компенсацией» ($r = 0,411$ при $\alpha = 0,01$). При связи данной копинг-стратегии и механизма психологической защиты включаются скрытые недостатки. Чувство неполноценности и некомпетентности в одной области, выделяясь в другой области за счет превосходства обеспечивает удовлетворение.

В группе с высокими показателями по «пищевой зависимости» выявлена значимая корреляционная связь между «регрессией» и «конфронтационным копингом» ($r = 0,406$ при $\alpha = 0,05$). Данная связь содействует наличию агрессивного состояния при бессознательном проявлении детских вариантов реагирования. Связь «положительная переоценка» и «проекция» ($r = 0,402$ при $\alpha = 0,05$) находятся на отрицательном полюсе своих значений, а в «проекции» реализуется механизм приписывания другим людям неприемлемых, негативных, социально неодобряемых качеств личности.

В группе с высокими показателями склонности к зависимости от курения выявлена значимая корреляционная связь между копинг-стратегией «положительная переоценка» и механизмом психологической защиты «интеллектуализация» ($r = -0,559$ при $\alpha = 0,05$). Данную связь можно считать проактивной, так как в связи с неосознаваемыми попытками подростка избежать внутреннего конфликта и поддержать свое самоуважение он выполняет внутреннюю работу по обнаружению дополнительных положительных смыслов.

Значимая корреляционная связь между «конфронтационным копингом» и «подавлением» ($r = -0,533$ при $\alpha = 0,05$) в группе с высокими показателями склонности к зависимости от курения при понижении «подавление» предполагает повышение выраженности «конфронтационного копинга», что говорит об агрессивных тенденциях. Для изменения ситуации представители юношеского возраста прибегают к враждебности, отмечается готовность к риску.

В группе с высокими показателями по шкале «зависимость от здорового образа жизни» корреляционная связь между копинг-стратегией «положительная переоценка» и механизмом психологической защиты «замещение» ($r = -0,298$ при $\alpha = 0,05$) говорит о сдерживании деструктивных мыслей, импульсов, направленных на значимых людей, близких за счет совершения действий, которые человек хотел бы направить на другого, на действия по отношению к себе за счет включения копинга положительной переоценки.

Обсуждение результатов

Пугающие всех, и потому изучаемые зависимости от интернета, компьютера, религиозная зависимость, телевизионная зависимость, игровая зависимость не получили такой высокой частоты проявления случаев на высоком уровне, как обычно представляют эти явления в СМИ.

Выявленные значимые корреляционные связи в группах с разным уровнем склонности к каждому виду зависимости позволил выделить преобладающие копинг-стратегии.

Так в группах с низким уровнем склонности к зависимости преобладают копинги: планирование решения проблемы; принятие ответственности; самоконтроля. Единичны случаи дистанцирования и бегства-избегания.

В группах со средним уровнем склонности к зависимости чаще встречается конфронтационный копинг, поиск социальной поддержки. Реже, чем в группе с низким уровнем склонности к зависимости, появляются положительная переоценка, принятие ответственности, самоконтроль.

При высоком уровне склонности к зависимости преобладает конфронтационный копинг и положительная переоценка.

По всей вероятности уровень склонности к зависимости не определяется её видом, а имеет в своей основе группу преобладающих механизмов психологической защиты, определяющих способность к выбору копинг-стратегии.

Так в группах с низким уровнем склонности к зависимому поведению чаще встречаются механизмы подавления, замещения, реактивные образования, наряду с регрессией, проекцией, компенсацией.

В группе с высоким уровнем склонности к зависимости при конфронтации работают компенсация или регрессия, при положительной переоценке – интеллектуализация, замещение, проекция. Значение коэффициента корреляции Спирмена при высоком уровне склонности к зависимости находится в диапазоне 0,4–0,5, в то время как при низком уровне 0,1–0,3.

Выводы

Дифференцирующая способность опросника 13 видов зависимостей Г. В. Лозовой позволяет изучить распределение выборки по уровням склонности к зависимому поведению для каждого отдельного вида зависимости. Высокий, средний и низкий уровни по каждой зависимости отличает не только распределение внутри выборки по каждому из видов зависимостей, но и позволяет изучить тенденции к копинг-стратегиям при каждой зависимости и заинтересованные в проявлении зависимостей механизмы психологической защиты.

Проведенное исследование позволило констатировать, что между механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции, существуют объяснимые избирательные связи для каждого уровня определенного вида зависимости из 13 изученных.

В статье описаны на все имеющиеся в результатах исследования склонности к зависимостям. Религиозная зависимость и трудовая зависимость требуют дополнительных теоретических исследований и обоснований по вопросам трудовой мотивации и нравственно-духовной направленности личности.

Для каждой группы с определенным видом зависимости обнаруживается совокупность механизмов психологической защиты, лежащих в основе выбора той или иной стратегии поведения.

Говоря о перспективах дальнейшего развития исследования, можно предположить проведение аналогичного исследования на выборках другой возрастной группы, а также разработку и проверку на практике тренинговых программ по снижению

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

зависимости, изменению структуры механизмов психологических защит и формировании адекватных способов преодоления жизненных трудностей.

Литература

- Ананьева, О. (2013). *Аддикция и психологические кризисы: личностные, возрастные, семейные*. Москва: LAP Publ.
- Анцыферова, Л. И. (1994) Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*, 1(15), 3–19.
- Журавлёв, А. Л., Крюкова, Т. Л., и Сергиенко, Е. А. (2018). *Совладающее поведение: современное состояние и перспективы*. ИП РАН.
- Змановская, Е. В., и Рыбников, В. Ю. (2011). *Девиянтное поведение личности и группы*. Санкт-Петербург: Питер.
- Лозовая, Г. В. (2007). Методика диагностики склонности к различным зависимостям. В *Психологические основы педагогической деятельности: материалы 34 научной конференции кафедры психологии СПбГУФК им. Лесгафта*. Санкт-Петербург: СПбГУФК, 121–124.
- Нижнегородцева, Н. В., и Тарасова С. С. (2017). Совладающее поведение подростков с разным уровнем осознанной саморегуляции. *Ярославский педагогический вестник*, 2, 211–215.
- Онуфриева, В. В., и Константинова, А. С. (2016). Особенности копинг-поведения в подростковом возрасте. *Молодой ученый*, 6 (110), 701–703.
- Сергиенко, Е. А., Хлевная, Е. А., Киселева, Т. С., Никитина, А. А., и Осипенко, Е. И. (2021). Роль эмоционального интеллекта в психологическом благополучии человека и в совладании со стрессом. *Вопросы психологии*, 1(67). 71–81.
- Фрейд З. (1995). *Введение в психоанализ. Лекции*. Москва: Наука.
- Araas, T. E. (2008). *Associations of Mindfulness, Perceived Stress, and Health Behaviors in College Freshmen*. Tempe, AZ: Arizona State University.
- Aggrey, G. B., Anakwah N., & Sarfo J. O. (2016). 'Unattractive, So Hopeless?' Feelings of Physical Unattractiveness and Hopelessness among Senior High Students. *European Researcher Series A*, 110(9), 500–507.
- Amai, K., & Hojo, D. (2021) Early adolescent psychological adaptation differences by stress-coping profiles: a latent transition analysis. *Anxiety Stress Coping*, 1–18.
- Antheunis, M. L., Schouten, A. P., & Walther J. B. (2020). *The hyperpersonal effect in online dating: effects of text-based CMC vs. videoconferencing before meeting faceto-face*. <https://doi.org/10.1080/15213269.2019.1648217>
- Chow, C., Nolte, T., Cohen, D., Fearon, R., & Shmueli-Goetz Y. (2017). Reflective Functioning and Adolescent Psychological Adaptation: The Validity of the Reflective Functioning Scale-Adolescent Version. *Psychoanalytic Psychology*, 34, 404–413.
- Friedman, M., & Rosenman R. (1977). *The key cause typo A behavior pattern. Stress and coping*. New York.: Columbia Univ. press.
- Lazarus, R. S. (1966). *Psychological stress and the coping process*. New York: McGraw-Hill.
- Lazarus, R. S, & Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. New York.
- Roedel, E., Ha, T., Verhagen, M., Kuntsche, E., Scholte, R., & Engels R. (2015). Social stress in early adolescents' daily lives: Associations with affect and loneliness. *Journal of adolescence*, 45, 274–283.
- Rudkin, E., Medvedev, O. N., & Siegert, R. J. (2018). The five-facet mindfulness questionnaire: why the observing subscale does not predict psychological symptoms. *Mindfulness*, 9, 230–242. <https://doi.org/10.1007/s12671-017-0766-2>
- Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y.-F., & Moreno, M. (2015). Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: a multisitestudy. *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.*, 18, 79–86. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0371>

References

- Aggrey, G. B., Anakwah N., & Sarfo J. O. (2016). 'Unattractive, So Hopeless?' Feelings of Physical Unattractiveness and Hopelessness among Senior High Students. *European Researcher. Series A*, 110(9), 500–507.
- Amai, K., & Hojo, D. (2021) Early adolescent psychological adaptation differences by stress-coping profiles: a latent transition analysis. *Anxiety Stress Coping*, 1–18.
- Ananyeva, O. (2013). *Addiction and psychological crises: personal, age, family*. Moscow: LAP Publ.
- Antheunis, M. L., Schouten, A. P., & Walther J. B. (2020). *The hyperpersonal effect in online dating: effects of text-based CMC vs. videoconferencing before meeting face-to-face*. <https://doi.org/10.1080/15213269.2019.1648217>
- Antsyferova, L. I. (1994) Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection. *Psychological Journal*, 1(15), 3–19.
- Araas, T. E. (2008). *Associations of Mindfulness, Perceived Stress, and Health Behaviors in College Freshmen*. Tempe, AZ: Arizona State University.
- Chow, C., Nolte, T., Cohen, D., Fearon, R., & Shmueli-Goetz Y. (2017). Reflective Functioning and Adolescent Psychological Adaptation: The Validity of the Reflective Functioning Scale-Adolescent Version. *Psychoanalytic Psychology*, 34, 404–413.
- Freud, Z. (1995). *Introduction to psychoanalysis. Lectures*. Moscow: Science.
- Friedman, M., & Rosenman R. (1977). *The key cause type A behavior pattern. Stress and coping*. New York: Columbia Univ. press.
- Lazarus, R. S. (1966). *Psychological stress and the coping process*. New York: McGraw-Hill.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. New York.
- Lozovaya, G. V. (2007). Methods for diagnosing propensity for various addictions. In *Psychological foundations of pedagogical activity: materials of the 34th scientific conference of the Department of Psychology of St. Petersburg State University of Physical Culture named after. Lesgafta*. St. Petersburg: SPbGUFK, 121–124.
- Nizhegorodtseva, N. V., & Tarasova S. S. (2017). Coping behavior of adolescents with different levels of conscious self-regulation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2, 211–215.
- Onufrieva, V. V., and Konstantinova, A. S. (2016). Features of coping behavior in adolescence. *Young Scientist*, 6 (110), 701–703.
- Roedel, E., Ha, T., Verhagen, M., Kuntsche, E., Scholte, R., & Engels R. (2015). Social stress in early adolescents' daily lives: Associations with affect and loneliness. *Journal of adolescence*, 45, 274–283.
- Rudkin, E., Medvedev, O. N., & Siegert, R. J. (2018). The five-facet mindfulness questionnaire: why the observing subscale does not predict psychological symptoms. *Mindfulness*, 9, 230–242. <https://doi.org/10.1007/s12671-017-0766-2>
- Selkie, E. M., Kota, R., Chan, Y.-F., & Moreno, M. (2015). Cyberbullying, depression, and problem alcohol use in female college students: a multisitestudy. *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.*, 18, 79–86. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0371>
- Sergienko, E. A., Khlevnaya, E. A., Kiseleva, T. S., Nikitina, A. A., & Osipenko, E. I. (2021). The role of emotional intelligence in human psychological well-being and coping with stress. *Questions of psychology*, 1(67). 71–81.
- Zhuravlev, A. L., Kryukova, T. L., & Sergienko, E. A. (2018). *Coping behavior: current state and prospects*. IP RAS.
- Zmanovskaya, E. V., & Rybnikov, V. Yu. (2011). *Deviant behavior of individuals and groups*. St. Petersburg: Piter.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Исследование социального интеллекта у школьников, обучающихся в традиционной и монтессори школе

Елизавета В. Найденова[✉], Анастасия С. Морозова[✉],
Анастасия С. Иконина[✉], Светлана А. Бзезян[✉]

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: naidenova@sfedu.ru

Аннотация

В данной работе исследуются особенности формирования социального интеллекта у школьников, которые учатся в традиционной и Монтессори школе. Актуальность исследования обусловлена высокими требованиями, предъявляемыми к уровню социального интеллекта и коммуникативным компетенциям в современном обществе. В связи с этим перед современной системой образования становится новая задача по развитию социального интеллекта личности еще на этапах обучения в школе. Для того чтобы данная задача была осуществима необходимо понять, какие условия обучения способствуют, а какие тормозят развитие отдельных факторов социального интеллекта. В исследовании впервые изучаются различия в уровне социального интеллекта подростков в зависимости от системы их обучения. Во введение авторы делают обзор теоретической базы феномена социального интеллекта, в котором приводят определения данного явления с позиций различных исследователей, а также определяют особенности и составляющие социального интеллекта. Также в данном разделе авторы описывают основополагающие особенности обучения в традиционной и монтессори школе. В выборку исследования вошли учащиеся шестых классов общеобразовательной школы в количестве 18 человек, а также учащиеся шестых классов монтессори школы в количестве 16 человек. В разделе представлено методический инструментарий, используемый для проведения исследования. В разделе результаты исследования авторы приводят данные о существующих различиях в уровне социального интеллекта среди школьников, обучающихся в разных школах. Так, обнаружены статистически значимые различия по фактору познание трансформаций поведения. В части обсуждения результатов авторы объясняют наличие различий особенностями организации коммуникации в процессе обучения, а также факторами, связанными с уровнем благосостояния семьи, в которой воспитываются учащиеся. В заключение авторы приходят к выводу о влиянии системы обучения, используемой в школе, на показатели социального интеллекта у подростков.

Ключевые слова

социальный интеллект, коммуникативные компетенции, интеллект, система обучения, монтессори педагогика

Для цитирования

Найденова, Е. В., Морозова, А. С., Иконина А. С., Бзезян С. А. (2023). Механизмы психологической защиты и копинг-стратегии представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(4), 76–88. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.6>

Research article

UDC 159.99

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.6>

Study of Social Intelligence in Schoolchildren Studying in Traditional and Montessori Schools

Elizaveta V. Naidenova* , Anastasia S. Morozova , Anastasia S. Iconina ,
Svetlana A. Bzezyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

*Corresponding author: naidenova@sfedu.ru

Annotation

This paper examines the features of the formation of social intelligence in schoolchildren who study in traditional and Montessori schools. The relevance of the research is due to the high demands placed on the level of social intelligence and communicative competencies in modern society. In this regard, the modern education system is faced with a new task of developing the social intelligence of the individual at the stages of schooling. In order for this task to be feasible, it is necessary to understand which learning conditions promote and which inhibit the development of individual factors of social intelligence. For the first time, the study examines differences in the level of social intelligence of adolescents depending on their learning system. In the introduction, the authors review the theoretical basis of the phenomenon of social intelligence, in which they provide definitions of this phenomenon from the positions of various researchers, as well as identify the features and components of social intelligence. Also in this section, the authors describe the fundamental features of learning in traditional and Montessori schools. The study sample included students in

the sixth grades of a secondary school in the number of 18 people, as well as students in the sixth grades of a Montessori school in the number of 16 people. The methods section presents the methodological tools used to conduct the research. In the research results section, the authors provide data on existing differences in the level of social intelligence among schoolchildren enrolled in different schools. Thus, statistically significant differences were found in the factor of cognition of behavior transformations. In the discussion of the results, the authors explain the differences in the organization of communication in the learning process, as well as factors related to the level of well-being of the family in which students are raised. In conclusion, the authors conclude about the influence of the learning system used in school on the indicators of social intelligence in adolescents.

Keywords

social intelligence, communicative competencies, intelligence, learning system, montessori pedagogy

For citation

Naidenova, E. V., Morozova, A. S., Iconina, A. S., Bzezyan, S. A. (2023). Study of social intelligence in schoolchildren studying in traditional and montessori schools. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(4), 76–88. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.4.6>

Введение

Деятельность человека во всех сферах его жизни обусловлена социальными интеракциями, а также использованием профессиональных знаний (Собирова и Саидназарова, 2014). Как бы человек мог не стараться избегать социального взаимодействия, уйти от него полностью не получится, особенно в эпоху развития социальных сетей и мессенджеров. В связи с этим особую роль в современном мире играет развитие таких качеств как социальный интеллект и коммуникативные компетенции. Восприятие мира через эмоционально-ценностное призму и формирование на этой основе уникального отношения к окружающему являются фундаментальными основами для развития социального интеллекта и, особенно, коммуникативной компетентности. В современном мире, где все более распространены глобальные цифровые технологии, эти навыки становятся ключевыми для успешной адаптации и взаимодействия в обществе (Широких, 2021).

Термин "социальный интеллект" впервые использовал Thorndike (1920) который разделил интеллект на три аспекта: абстрактный интеллект, механический интеллект и социальный интеллект. В классической формулировке Thorndike (1920) под социальным интеллектом подразумевается умение понимать и с умом взаимодействовать с человеком вне зависимости от его пола и возраста. Точно так же Moss & Hunt (1927) определили социальный интеллект как способность ладить с другими.

По большей части интерпретации, которые появляются в литературе, используют один из двух критериев для определения области социального интеллекта (Walker & Foley, 1973). Первый критерий довольно узок и, по сути, понимается как способность расшифровывать социальную информацию. С этой точки зрения примером социального интеллекта являются такие навыки, как способность считывать невербальные сигналы или делать точные выводы о ситуации социального взаимодей-

ствия. Вторым критерием, используемым для определения социального интеллекта, является эффективность или адаптивность социальных действий человека. Здесь социальный интеллект определяется в терминах поведенческих действий, тогда как социально-когнитивные навыки, подобные перечисленным выше, рассматриваются как условия, влияющие на развитие социального интеллекта.

Vernon (1933) дал наиболее широкое определение социального интеллекта как способности ладить с людьми в целом, подразумевающая знания социальных вопросов, восприимчивость к раздражителям со стороны других членов группы, а также понимание временных настроений и основных личностных черт человека.

O'Sullivan & Guilford (1975) создали надежный тест для измерения социального интеллекта, отдельно от показателя общего интеллекта. Они заявили о существовании шести факторов социального интеллекта, связанных со способностью понимать мысли, чувства и намерения других людей, которые называются факторами "познания поведения". Исследователи предположили, что экспрессивное поведение, такое как мимика, интонации голоса, позы и жесты – это сигналы, по которым можно сделать вывод о намеренных и эмоциональных состояниях. Таким образом, познание поведения более полно определяется как способность понимать мысли, чувства и намерения других людей в той мере, в какой они проявляются в различном поведении. К факторам познания поведения относятся:

- Познание поведенческих единиц – фактор, относится к способности понимать отдельные вербальные (отдельное слово или понятие) и невербальные (выражение лица, интонация голоса, жесты рук и позы тела) элементы поведения.
- Познание классов поведения – способность делать обобщения на основе информации о поведении, видеть сходство в группе эмоциональных реакций.
- Познание отношений поведения – это способность понимать и устанавливать связи между разными аспектами информации о поведении.
- Познание систем поведения – это способность понять логику развития отношений между людьми и смысл их поведения в различных ситуациях.
- Познание поведенческих трансформаций – это способность понимать, как меняется значение аналогичного поведения, выраженного как вербально, так и невербально при изменении контекста.
- Познание последствий поведения – это способность предсказывать результаты поведения на основе имеющейся информации (O'Sullivan & Guilford, 1975).

По данным Люсиной и Ушаковой (2004) социальный интеллект предполагает способность к познанию социальных явлений, относясь при этом лишь к одному из факторов, влияющих на социальную компетентность. Исследователь выделяет ряд особенностей социального интеллекта:

- Континуальный характер – социальный интеллект не имеет четких границ или разделений, а является непрерывным спектром способностей и навыков.
- Использование невербальной репрезентации – социальный интеллект включает умение понимать и использовать невербальные средства коммуникации, такие как жесты, мимика и телодвижения.
- Потеря точности социального оценивания при вербализации – при переводе социальной информации в вербальную форму может происходить потеря точности, что может влиять на эффективность коммуникации.
- Формирование в процессе имплицитного научения – социальный интеллект

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

часто развивается неосознанно и интуитивно через опыт и наблюдение, в отличие от формального обучения.

– Использование «внутреннего опыта» – социальный интеллект основывается на индивидуальном опыте и знаниях, которые могут быть недоступны или сложно объяснить другим людям.

Савенков (2005) описывает социальный интеллект как наличие социальных знаний о событиях в обществе и гибкости в решении непредсказуемых проблем. Он особо акцентирует внимание на том, что оценка этой способности должна происходить через наблюдение и невербальные методы, чтобы избежать возможных ошибок, связанных с самооценкой и способностью к саморефлексии. Подчеркивая важность практического значения исследований социального интеллекта в развитии этой способности, исследователь выделяет следующие категории для ее описания:

– Когнитивные: социальные знания, социальная память, социальная интуиция, социальное прогнозирование.

– Эмоциональные: социальная выразительность, сопереживание, способность к саморегуляции.

– Поведенческие: социальное восприятие, социальное взаимодействие, социальная адаптация (Савенков, 2005).

Согласно мнению Бачмановой и Стафуриной (1985), социальный интеллект включает в себя способность решать практические задачи в процессе коммуникации. Они выделяют пять основных компонентов в структуре этой способности:

– Наблюдательность и быстрая адаптация к ситуации для правильного восприятия информации, передаваемой человеком.

– Понимание внутренних качеств и особенностей человека, включая проникновение в его духовный мир.

– Способность сопереживать, проявлять эмпатию, сочувствие, доброту, уважение и готовность к помощи.

– Анализ собственного поведения и саморефлексия.

– Способность управлять самим собой и процессом общения через самоконтроль.

По данным Ford & Tisak (1983) выделение социального интеллекта как отдельного типа интеллекта подразумевает необходимость его развития и оценки у детей в школах. В таком случае вполне логично встает вопрос о том, как создать необходимые условия школьной жизни, которые положительно влияли бы на развитие социального интеллекта. Поскольку социальный интеллект зачастую развивается самопроизвольно можно предположить, что создание отдельных уроков с целью его развития не имеет смысла, при этом может быть важным создание определенной школьной среды.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что в классическом школьном образовании не предполагается делать отдельный акцент на развитие навыков общения, их формирование является скорее просто следствием нахождения ребенка в коллективе. Несмотря на то, что на данный момент перед школой стоят задачи по развитию коммуникативных компетенций учащихся, целенаправленно это делать крайне тяжело, исключением является лишь освоение навыков общения, связанные с этикетом, нормами делового общения. Объяснить это можно тем, что при классно-урочной системе учителями больший упор делается на прямую передачу знаний ученикам без включения их в диалог или обсуждение (Широких, 2021). При этом, по данным

Трубаковой, Мохаммад & Будильцевой (2018), развитие социального интеллекта учащимися во многом определяется тем, как педагог может содействовать усвоению учениками особенностей социальных взаимодействий в различных ситуациях. Качество такого содействия будет зависеть от уровня социального интеллекта самого учителя, а также от его креативности, влияющей на формат занятий.

Таким образом сфера общения детей зачастую ограничена сверстниками. Именно в опыте с ними они развивают способности понимать, анализировать вербальную и невербальную информацию, а также принимать решения о действии, исходя из нее. Однако такая проблема может отсутствовать в рамках альтернативного образования, например, в рамках использования принципов Монтессори педагогики.

Система Монтессори основана на отказе от классно-урочной системы, а также на принципе активности и свободы учащегося (Тарасова, 2016). Так для эффективного обучения обустраивается специальная среда, в границах которой ребенок может реализовать весь свой познавательный потенциал. В данном случае снимаются некоторые ограничения с процесса общения, который происходит в рамках обучения, поскольку существует свобода коммуникации и рефлексии, а также учащийся сам может выбирать вариант работы: он может делать это в паре, в группе или совместно с учителем (Василискин, 2017). Также одной из основных форм урока, по данным Тарасовой (2017), являются групповые и рефлексивные уроки, на которых учащиеся в устной, доступной для понимания форме могут обсудить происходящие события, выразить свое мнение, что обеспечивает существование обратной связи по действиям ребенка. Важными, по мнению Перышковой и Сарынцева (2021), также являются особенности коммуникации учителя с детьми: во-первых, учитель говорит на уровне глаз ребенка, что позволяет лучше считывать мимику взрослого, во-вторых, учитель обращается индивидуально к каждому ребенку, а не ко всей группе, что позволяет формировать доверительные отношения. Таким образом, с одной стороны, Монтессори школы дают больше потенциала для развития социального интеллекта у детей, с другой стороны, свобода выбора формы обучения учеником может привести к тому, что, например, изначально застенчивый или интровертированный ребенок будет полностью уходить от любого взаимодействия.

В связи с этим целью нашего исследования является сравнение уровня развития социального интеллекта у обучающихся традиционной и Монтессори школы.

Методы

В качестве эмпирического объекта исследования выступали учащиеся шестых классов Монтессори школы ($n=16$), а также учащиеся шестых классов обычной общеобразовательной школы ($n=18$). Данный отбор был сделан исходя из того, что младший подростковый возраст является наиболее значимым для продуктивного развития социального интеллекта (Панова, 2011). Исследование проводилось индивидуально с каждым ребенком.

Для проведения исследования была использован тест социального интеллекта Гилфорда в адаптации Михайловой (1996).

Данная методика позволяет измерить уровень развития способностей познания классов поведения, систем поведения, поведенческих трансформаций и последствий поведения как в вербальном, так и в невербальном формате. Так тест включает в себя четыре субтеста:

- Первый субтест предполагает выбор завершения истории и связан с позна-

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

нием последствий поведения.

– Во втором субтесте необходимо найти картинки с выражением схожих эмоций и чувств для определения уровня развития познания классов поведения.

– Третий субтест позволяет определить уровень познания трансформаций поведения. Проходя данный субтест, респонденту необходимо среди нескольких фраз отыскать ту, которая будет менять смысл ситуации.

– В четвертом субтесте необходимо найти выпавшую из сюжета картинку, что позволяет определить уровень развития фактора познания систем поведения.

Результаты

В результате проведения исследования были выявлены следующие показатели.

Разброс средних значений по шкалам субтестов у детей, обучающихся в Монтессори школе представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Разброс средних значений, полученных учащимися Монтессори школы при прохождении теста социального интеллекта Гилфорда.

	М	Значение
С61	6,07	Ниже среднего
С62	4,87	Средний уровень
С63	6,27	Средний уровень
С64	3,47	Ниже среднего
Общий	20,67	Ниже среднего

По средним баллам, полученными шестиклассниками, обучающимися в Монтессори школе при прохождении теста социального интеллекта Гилфорда, можно отметить, что полученные значения по первому и четвертому субтесту, а также общий показатель ниже нормативных значений (Михайлова, 1996).

Также данные о средних значениях по тесту социального интеллекта Гилфорда, полученных школьниками из общеобразовательной школы, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Разброс средних значений, полученных учащимися общеобразовательной школы при прохождении теста социального интеллекта Гилфорда

	М	Значение
С61	7,80	Средний уровень
С62	4,13	Ниже среднего
С63	4,13	Ниже среднего
С64	4,27	Средний уровень
Общий	20,33	Ниже среднего

Можно отметить, что у школьников, обучающихся в общеобразовательной школе в среднем хуже развиты факторы познания классов поведения, познания трансформаций поведения в сравнение со среднестатистическими значениями для данной возрастной группы (Михайлова, 1996).

Также стоит отметить, что в среднем у школьников, обучающихся в Монтессори школе, хуже развит фактор познания последствий поведения, а также фактор познания систем поведения. При этом у них выше, в сравнение со школьниками из общеобразовательной школы, развиты навыки производить обобщения на основе информации о поведении, а также понимать, как меняется смысл поведения в зависимости от контекста.

Интересным является также разброс значений общего показателя социального интеллекта среди учащихся Монтессори и обычной школы. На рисунке 1 представлен процент учащихся монтессори школы со средним и низким значением социального интеллекта, а на рисунке 2 процент учащихся со средним и низким значением социального интеллекта обычной школы. Так можно заметить, что среди шестиклассников, обучающихся в общеобразовательной школе чаще встречается средний уровень развития социального интеллекта.

Рисунок 1

Частота проявлений различных уровней социального интеллекта среди учащихся Монтессори школы

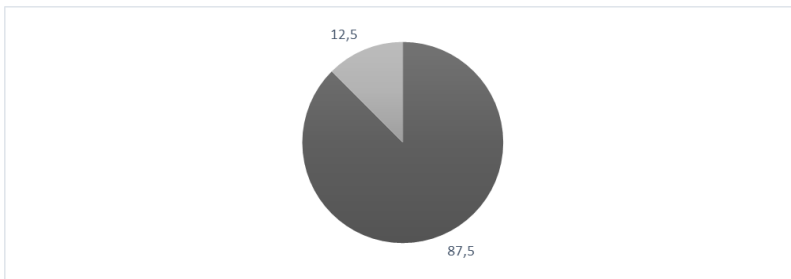

Рисунок 2

Частота проявлений различных уровней социального интеллекта среди учащихся общеобразовательной школы

Для выявления значимых различий между группами школьников нами был использован U-критерий Манна-Уитни. Результаты применения статистического критерия представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни

	U	р-уров.	Значение
с61	85,000	0,263	Статистически значимые различия отсутствуют
с62	84,000	0,245	Статистически значимые различия отсутствуют
с63	32,500	0,001	Есть статистически значимые различия
с64	83,500	0,237	Статистически значимые различия отсутствуют
общий показатель	87,000	0,300	Статистически значимые различия отсутствуют

В результате проведенного сравнительного анализа были обнаружены статистически значимые различия по показателю уровня развития фактора познания трансформаций поведения ($p \leq 0,01$).

Обращая внимание на полученные результаты сравнительного анализа, можно сказать о лучшем развитии у школьников, обучающихся по системе Монтессори педагогики, способности понимать, как меняется значение аналогичного поведения, выраженного как вербально, так и невербально при изменении контекста.

Обсуждение результатов

Полученные нами данные говорят о наличии различий в уровне развития социального интеллекта у учащихся шестых классов обычной и монтессори школы.

Во-первых, можно отметить, что несмотря на примерно одинаковый среднестатистический показатель общего развития социального интеллекта, у детей, обучающихся в традиционной школе, показатели развития социального интеллекта на среднем уровне встречаются чаще. Такую тенденцию можно существующим в Монтессори педагогике принципом индивидуализма – ребенок не принуждается к коллективной деятельности, что ограничивает его познание поведения людей в социуме (Хуторской, 2013).

При этом лучшее развитие у детей из Монтессори школы отдельных факторов социального интеллекта также объяснимо. Так на развитие социального интеллекта при обучении по системе Монтессори положительно будут влиять проводимые упражнения из раздела практической жизни (Перышкова, Сарынцев, 2021). Данные упражнения органично вплетены в систему обучения, направлены на развитие внеситуативно-личностного общения, и подразумевают широкий спектр коммуникации ребенка как со сверстниками, так и с учителями.

Также, как уже говорилось ранее, на развитие социального интеллекта школьников влияет креативность учителя, возможность применять инновационные формы обучения. Несмотря на то, что современной общеобразовательной школе появилась тенденция к включению инновационного обучения, уроки в основном продолжают проводиться с использованием монологического метода обучения (Широких, 2021). В Монтессори школе в этом плане учитель более свободен поскольку должен найти индивидуальный подход к каждому ребенку и не ограничен календарно-тематическим планированием. В связи с этим школьник может более свободно общаться с учителем, расширяя рамки познания поведения в процессе коммуникации. Это более продуктивно влияет на развитие социального интеллекта, поскольку уровень социального интеллекта определяется опытом ребенка, который в свою очередь зависит от разнообразия возможностей коммуникации (Сидорова, Зобнина, Сидорова, & Драгич, 2013).

По данным Деминой и Лужбиной (2005) уровень развития такого фактора социального интеллекта как познание поведенческих трансформаций напрямую зависит от благосостояний семьи школьника. Этот факт также может объяснить наличие значимых различий, полученных при прохождении учащимися третьего субтеста. В общеобразовательной школе могут обучаться дети из семей с разным достатком, поскольку они являются бюджетными, чего нельзя сказать о Монтессори школах обучение детей, в которых может себе позволить не каждая семья.

Заключение

Таким образом в результате проведенного исследования нами были обнаружены различия по показателям социального интеллекта у учащихся обычной и Монтессори школы. Так, среди школьников из общеобразовательной школы чаще встречается средний уровень развития социального интеллекта в сравнение со школьниками, которые обучаются по принципам Монтессори педагогики. При этом обнаружены статистически значимые различия по фактору познания трансформаций поведения, причем данный фактор выше развит среди учащихся Монтессори школы. Полученные результаты можно объяснить существующими различиями в возможности учащимися свободно коммуницировать, усваивать социальный опыт, а также получать обратную связь от учителей и одноклассников в общеобразовательной и Монтессори школе.

Литература

- Бачманова, Н. В., & Стафурина, Н. А. (1985). К вопросу о профессиональных способностях психолога. *Современные психологопедагогические проблемы высшей школы*, 5, 78–86.
- Василискин, Т. П. (2017). Педагогическая система Марии Монтессори: сущность и особенности. *Проблемы современного педагогического образования*, 55(8), 117–123.
- Демина, Л. Д., & Лужбина, Н. А. (2005). Факторы становления и развития социального интеллекта личности. *Известия Алтайского государственного университета*, 2, 104–108.
- Любина, Д. В., Ушакова, Д. В. (2004). *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования*. Москва: «Институт психологии РАН».
- Михайлова, Е. С. (1996). *Методика исследования социального интеллекта: Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена: Руководство по использованию*. Санкт-Петербург: ИМАТОН.
- Панова, Н. В. (2011). Уровни развития основных компонентов социального интеллекта младших подростков. *Интеграция образования*, 2, 88–92.
- Перышкова С. А., & Саранцев В. В. (2021). Формирование коммуникативной деятельности дошкольников на основе использования системы М. Монтессори. *Наука и образование*, 4(2), 1–10.
- Савенков, А. И. (2005). Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2(4), 94–101.
- Сидорова, К. А., Зобнина, С. В., Сидорова, Т. А., Драгич О. А. (2013). Оценка общего уровня развития социального интеллекта подростков-спортсменов города Тюмени. *Фундаментальные исследования*, 10-14, 3129–3133.
- Собирова Д. А., & Саидназарова Г. (2014). Социальный интеллект как инструмент коммуникативного и организационного взаимодействия. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2, 59–65.
- Тарасова, Н. М. (2016). Актуальность метода М. Монтессори в современном образовании. *Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*, 1, 182–189.
- Тарасова, Н. М. (2017). Метод М. Монтессори: от теории к практике. *Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*, 1, 129–133.
- Трубакова, Д. И., Мохаммад, С. М. А., & Будильцева, М. Б. (2018). Развитие социального интеллекта обучающихся в современных условиях. *Проблемы современного педагогического образования*, 58(2), 247–253.
- Хуторской, А. В. (2013). Педагогическая система М. Монтессори. *Школьные технологии*, 6, 87–90.
- Широких, О. Б. Формирование социального интеллекта и коммуникативной компетенции – актуальные проблемы современного образования. В *Язык и актуальные проблемы образования: Материалы Международной научно-практической конференции (С. 424–427)*. Ярославль: Некоммерческое партнерство «Международная академия наук педагогического образования».

- Ford, M. E., & Tisak, M. S. (1983). A further search for social intelligence. *Journal of Educational Psychology*, 75(2), 196–206. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.75.2.196>
- Moss, F. A., & Hunt, T. (1927). Are you socially intelligent? *Scientific American*, 137, 108–110.
- O'Sullivan, M., & Guilford, J. P. (1975). Six factors of behavioral cognition: understanding other people. *Journal of Educational Measurement*, 12(4), 255–271.
- Thorndike, E. L. (1920). Intelligence and Its Uses. *Harper's Magazine*, 140, 227–235.
- Vernon, P. E. (1933). Some characteristics of the good judge of personality. *Journal of Social Psychology*, 4, 42–57.
- Walker, R. E., & Foley, J. M. (1973). Social Intelligence: Its History and Measurement. *Psychological Reports*, 33, 839–864.

References

- Bachmanova, N. V., & Stafurina, N. A. (1985). To the question of the professional abilities of a psychologist. *Modern psychological and pedagogical problems of higher education*, 5, 78–86.
- Demina, L. D., & Luzhbina, N. A. (2005). Factors of formation and development of social intelligence of a personality. *Proceedings of the Altai State University*, 2, 104–108.
- Ford, M. E., & Tisak, M. S. (1983). A further search for social intelligence. *Journal of Educational Psychology*, 75(2), 196–206. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.75.2.196>
- Khutorskoy, A.V. (2013). The pedagogical system of M. Montessori. *School Technologies*, 6, 87–90.
- Lyusina, D. V. Ushakova, D. V. (2004). *Social Intelligence: Theory, measurement, research*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- Mikhailova, E. S. (1996). *Methodology for the study of social intelligence: Adaptation of the test by J. Guilford and M. Sullivan: A guide to use*. St. Petersburg: Imaton.
- Moss, F. A., & Hunt, T. (1927). *Are you socially intelligent?* *Scientific American*, 137, 108–110.
- O'Sullivan, M., & Guilford, J. P. (1975). Six factors of behavioral cognition: understanding other people. *Journal of Educational Measurement*, 12(4), 255–271.
- Panova, N. V. (2011). The levels of development of the main components of the social intelligence of younger adolescents. *Integration of Education*, 2, 88–92.
- Peryshkova, S. A., & Sarantsev, V. V. (2021). Formation of communicative activity of preschoolers based on the use of the M. Montessori system. *Science and Education*, 4(2), 1–10.
- Savenkov, A. I. (2005). Social intelligence as a problem of psychology of giftedness and creativity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2(4), 94–101.
- Shirokikh, O.B. Formation of social intelligence and communicative competence – actual problems of modern education. In *Language and actual problems of education: Materials of the International scientific and practical conference* (pp. 424–427). Yaroslavl: Non-profit partnership "International Academy of Sciences of Pedagogical Education".
- Sidorova, K. A., Zobnina, S. V., Sidorova, T. A., Dragich O. A. (2013). Assessment of the general level of development of social intelligence of teenage athletes in Tyumen. *Fundamental Research*, 10-14, 3129–3133.
- Sobirova, D. A., & Saidnazarova, G. (2014). Social intelligence as a tool of communicative and organizational interaction. *Bulletin on Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*, 2, 59–65.
- Tarasova, N. M. (2016). The relevance of M. Montessori's method in modern education. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*, 1, 182–189.
- Tarasova, N. M. (2017). M. Montessori's method: from theory to practice. *Bulletin of the A. P. Chekhov Taganrog Institute*, 1, 129–133.
- Thorndike, E. L. (1920). Intelligence and Its Uses. *Harper's Magazine*, 140, 227–235.
- Trubakova, D. I., Mohammad, S. M. A., & Starovtseva, M. B. (2018). The development of social intelligence of students in modern conditions. *Problems of modern pedagogical education*, 58(2), 247–253.
- Vasiliskin, T. P. (2017). The pedagogical system of Maria Montessori: the essence and features.

Problems of modern pedagogical education, 55(8), 117–123.

Vernon, P. E. (1933). Some characteristics of the good judge of personality. *Journal of Social Psychology*, 4, 42–57.

Walker, R. E., & Foley, J. M. (1973). Social Intelligence: Its History and Measurement. *Psychological Reports*, 33, 839–864.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.